

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*

Т. Н. ПАХАЛИНА

**ПАМИРСКИЕ
ЯЗЫКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
МОСКВА 1969

Редколлегия:

В.М. Солнцев (председатель), Н.А. Дворянков,
Н.А. Лисовская (ученый секретарь), Ю.Я. Плам,
Г.Д. Санжеев

Ответственный редактор
В.И. Аббаев

Работа содержит краткое описание фонологической и грамматической системы каждого из памирских (или припамирских) языков: ваханского, ишкашимского, язгулямского, мунджанского и шугнано-рушанской языковой группы, включающей шугнанский, рушанский, бартагский и сарыкольский языки-диалекты. Все очерки построены по единому плану, с тем чтобы читатель имел возможность сравнить эти языки между собой.

7-1-3

156-68

2

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес среди советских и зарубежных читателей.

После смерти Г.П. Сердюченко публикация продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того, чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н.В., *Амхарский язык*

1960 г.

Андронов М.С., *Тамильский язык*

Дворянков Н.А., *Язык пушту*

Дмитриев Н.К., *Турецкий язык*

Дорофеева Л.Н., *Язык фарси-кабули*

Зограф Г.А., *Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала*

Иванов В.В., Топоров В.Н., Санскрит

Катенина Т.Е., Язык хинди

Мазур Ю.Н., Корейский язык

Мячина Е.Н., Язык суахили

Наджип Э.Н., Современный уйгурский язык

Насилов В.М., Язык орхон-енисейских памятников

Петруничева З.Н., Язык телугу

Рубинчик Ю.А., Современный персидский язык

Санжеев Г.Д., Современный монгольский язык

Смирнова М.А., Язык хауса

Соляцев В.М., Лекомцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Глебова И.И.,
Вьетнамский язык

Теселкин А.С., Алиева Н.Ф., Индонезийский язык

Тодаева Б.Х., Монгольские языки и диалекты Китая

Толстая Н.И., Язык панджаби

Фельдман Н.И., Японский язык

Фролова В.А., Белуджский язык

1961 г.

Бабакаев В.Д., Ассамский язык

Горгониев Ю.А., Кхмерский язык

Коростовцев М.А., Египетский язык

Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солн-
цев В.М., Китайский язык

Курдоев К.К., Курдский язык

Охотина Н.В., Язык зулу

Плам Ю.Я., Морев Л.Н., Фомичева М.Ф., Тайский язык

Рерих Ю.Н., Тибетский язык

Секхар Ч., Глазов Ю.Я., Язык малайлам

Сердюченко Г.П., Чжунанский язык

Теселкин А.С., Яванский язык

Шарбатов Г.Ш., Современный арабский язык

Яковлева Н.П., Язык ганда (луганда)

1962 г.

Андронов М.С., Язык каннада

Дымшиц З.М., Язык урду

Соколов С.Н., Авестийский язык

1963 г.

Аракин В.Д., Мальгашский язык

Завадовский Ю.Н., Арабские диалекты Магриба

Иванов В.В., Хеттский язык

Катенина Т.Е., Язык маратхи

Маун Маун Ньюн, Орлова И.А., Пузицкий Е.В., Тагунова И.М.
Бирманский язык

Насилов В.М., Древнеуйгурский язык

Оранский И.М., Иранские языки

Пашков Б.К., Маньчжурский язык

Тенишев Э.Р., Саларский язык

Теселкин А.С., Древнеяванский язык

Шифман И.Л., Финикийский язык

Яковлева В.К., Язык йоруба

1964 г.

Вентцель Т.В., Цыганский язык (севернорусский диалект)

Выхухолев В.В., Сингальский язык

Еланская А.И., Коптский язык

Карпушкин Б.М., Язык ория

Липин А.А., Аккадский язык

Меликишвили Г.А., Урартский язык

Санжеев Г.Д., Старописьменный монгольский язык

Токарская В.П., Язык малинке (мандинго)

Церетели К.Г., Современный ассирийский язык

1965 г.

Андронов М.С., Дравидийские языки

Аракин В.Д., Индонезийские языки

Герценберг Л.Г., Хотаносакский язык

Дьяконов И.М., Семитохамитские языки

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., *Язык пали*
 Ефимов В.А., *Язык афганских хазара*
 Королев Н.И., *Язык непали*
 Павленко А.П., *Сунданский язык*
 Сегерт Ст., *Угаритский язык*
 Савельева Л.В., *Язык гуджарати*
 Эдельман Д.И., *Дардские языки*
 Юань Цзя-хуа, *Диалекты китайского языка*
 Яхонтов С.Е., *Древнекитайский язык*

1966 г.

Быкова Е.М., *Бенгальский язык*
 Егорова Р.П., *Язык синдхи*
 Крус М., Шкарбан Л.И., *Татальский язык*
 Расторгуева В.С., *Среднеперсидский язык*
 Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х., *Язык желтых уйгуров*

1967 г.

Завадовский Ю.Н., *Берберский язык*
 Крупа В., *Язык маори*
 Старинин В.П., *Эфиопский язык*
 Шеворошкин В.В., *Лидийский язык*

1968 г.

Кямилев С., *Марокканский диалект арабского языка*
 Пузицкий Е.В., *Качинский язык (язык чжинпто)*

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, центр, Армянский пер., 2, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Под «памирскими языками» в лингвистической литературе принято понимать языки Припамирья, принадлежащие к иранской группе индоевропейской семьи языков. К памирским языкам относятся: шугнано-рушанская языковая группа (включает несколько близких в языковом отношении разновидностей), язгулямский, ваханский и ишкашимский языки. К памирским языкам относят также и мунджанский язык (Г.Грирсон, Г.Моргенштерне), однако не все исследователи разделяют это мнение безоговорочно (Р.Готио, И.И.Зарубин). В 1924 г. И.И.Зарубин в статье «К списку памирских языков»¹ привел свыше тридцати слов еще одного памирского языка — ванджского, бытовавшего когда-то в долине реки Вандж — притока Пянджа (северная часть Горно-Бадахшанской автономной области)². Известно предположение исследователей о существовании саргулямского языка на территории Афганистана, также причисляемого к памирским языкам.

¹ «Доклады Российской АН», серия В, 1924.

² Впоследствии количество ванджских слов было пополнено А.З.Розенфельд. См. ее работы «К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях (на материале ванджских говоров)» — «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956 и «Ванджские говоры таджикского языка», Л., 1964.

Все существующие ныне памирские языки, за исключением язгулямского и мунджанского, представлены как в СССР, так и за рубежом. Язгулямский же язык распространен только в СССР, а мунджанский, наоборот, — вне пределов СССР, именно в Афганистане и частично в Пакистане.

Памирские языки — языки малых народностей. Наиболее многочисленны представители шугнано-рушанской группы и ваханцы. Говорящих на диалектах шугнано-рушанской группы насчитывается в общей сложности 30-40 тыс. человек, ваханцев — 15-20 тыс. человек. На остальных языках говорит всего около 3 тыс. человек.

Все памирские языки бесписьменны. В 30-х годах была предпринята попытка создания шугнанской письменности, оказавшаяся безуспешной. В настоящее время обучение всех памирцев в пределах СССР осуществляется на таджикском языке. Сарыкольцы в КНР получают образование на уйгурском языке.

Памирские языки расходятся между собой настолько, что взаимопонимание исключается. Для общения между собой разноязычные памирцы пользуются либо таджикским языком (в СССР и Афганистане), либо уйгурским (в КНР).

Несмотря на большое различие, памирские языки объединяет ряд общих черт, благодаря которым они противостоят другим восточноиранским и вообще остальным иранским языкам. В области фонетики для них характерно наличие так называемых межзубных ʃ и ʂ и заднеязычных щелевых x и χ (за исключением ишкашимского и мунджанского языков). В области морфологии общность памирских языков особенно ощутима в системе местоимений (главным образом личных и указательных) и глагола. Много общего у памирских языков и в области лексики.

Настоящая работа содержит краткое описание каждого из памирских языков. Для удобства сравнения описание их дается по единому плану. В начале каждого очерка излагаются

общие сведения о языке, месте его распространения, численности говорящих на нем, а также история изучения этого языка. Затем дается фонетическая и морфологическая характеристика языка, а также элементарные сведения по синтаксису. В самых общих чертах характеризуется также лексика языка. В конце каждого очерка прилагается — опять-таки для удобства сравнения этих языков — один и тот же текст с переводом на русский язык. Текст заимствован из работы В.С. Соколовой «Очерки по фонетике иранских языков». Отсутствующий в ее работе сарыкольский вариант был записан нами в Сарыколе. Мунджанский вариант взят из работы И.И. Зарубина «К характеристике мунджанского языка»

Весь материал приводится в фонологической записи. Поскольку все памирские языки бесписьменны, то для них используется международная иранская транскрипция, основанная на латинской графике.

Для написания настоящей работы были привлечены как наши собственные материалы (по сарыкольскому, ваханскому и ишкашимскому языкам), так и работы других исследователей (подробнее об этом см. в каждом отдельном очерке).

ШУГНАНО-РУШАНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ГРУППА

§1. Шугнано-рушанская языковая группа включает следующие языки-диалекты: шугнанский (с баджувским поддиалектом), рушанский (с хуфским поддиалектом), бартагский, орошорский и сарыкольский. Все они, за исключением сарыкольского, представлены в СССР на территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана по долинам рек Пянджа, Гунта, Шах-Дары и Бартага. На шугнанском и рушанском языках говорят также в Афганском Бадахшане. Сарыкольский язык распространен в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Близость между этими языками-диалектами такова, что сравнительно легко достигается взаимопонимание говорящих. В этом смысле язык шугнянцев, рушанцев, бартагцев, орошорцев и сарыкольцев может быть назван единым, а составляющие его разновидности — диалектами. Однако общего названия, которое объединяло бы указанные этнические группы, нет. Соответственно нет и общего языка, которому каждая из разновидностей подчинялась бы как диалект: все они равноправны и независимы. Наиболее автономен сарыкольский язык, не имеющий на протяжении уже ряда столетий каких-либо контактов с остальными языками группы. Именно этим и объясняется его своеобразие.

Начало научного изучения шугнано-рушанской языковой группы было положено академиком К.Г.Залеманом в конце прошлого столетия. В 1895 г. вышла в свет его работа «Шуг-

нанский словарь Д.Л.Иванова», явившаяся результатом анализа и систематизации материалов, собранных путешественником Д.Л.Ивановым¹. Помимо словаря работа содержала краткий очерк грамматики с разработанными К.Г.Залеманом таблицами глаголов. Содержащийся в работе сарыкольский и частично шугнанский материал был заимствован К.Г.Залеманом из работ Р.Шоу, опубликованных ранее².

В 1908 г. шугнанский материал был пополнен О.Б.Тумановичем, составившим практическую грамматику —разговорник шугнанского наречия³.

Начало систематическому изучению языков шугнано-рушанской группы, как и других памирских языков, было положено И.И.Зарубиным. Начиная с 1914 г. он неоднократно выезжает на Памир. Придавая большое значение точности записей, И.И.Зарубин первым из иранистов обратил серьезное внимание на фонетику изучаемых языков, применив в их исследовании фонологический метод. Благодаря этому лингвистические материалы, публиковавшиеся им начиная с 1924 г.⁴, получили общее признание как наиболее надежные и достоверные.

¹ К.Г.Залеман, *Шугнанский словарь Д.Л.Иванова*, — «Восточные заметки». Сборник факультета восточных языков, СПб., 1895.

² R. Shaw, *On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli)*, — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. 45, 1876; *On the Shighni (Ghalchah) Dialect*, — ibid., vol. 46, 1877.

³ О.Б.Туманович, *Краткая грамматика шугнанского наречия*, Ташкент, 1908.

⁴ И.И.Зарубин, *Образец припамирской народной поэзии*, — «Доклады Российской Академии Наук», серия В, 1924; *Одна орошорская сказка*, — «Восточные записки», I, Л., 1927; *Орошорские тексты и словарь*, — «Памирская экспедиция 1928», вып. VI, Л., 1930; *Бартагские и рушанские тексты и словарь*, Л., 1937; *Шугнанские тексты и словарь*, Л., 1960.

Из всех языков этой группы наибольшее внимание было уделено И.И. Зарубиным шугнанскому. Им был установлен фонологический состав шугнанского языка, разработана грамматика, составлен словарь. Провизорная фонологическая характеристика с выделением неясных моментов, а также краткие сведения по грамматике и различной полноты словари были даны и для других языков и диалектов этой группы.

В материалах И.И. Зарубина не был представлен только один из диалектов шугнано-рушанской группы — хуфский (если не считать зарубежного сарыкольского). Этот пробел был заполнен впоследствии В.С. Соколовой, опубликовавшей в 1959 г. «Рушанские и хуфские тексты и словарь».

В 1928 и 1942 гг. норвежским ученым Г. Моргенстьерне были опубликованы две статьи по истории шугнанского языка⁵.

Более углубленное изучение языков шугнано-рушанской группы, и особенно их фонетики, было предпринято В.С. Соколовой⁶. Ею впервые был применен экспериментально-инструментальный метод в исследовании, установлены основные звуковые соответствия по языкам. В 1959 г. ею были опубликованы «Рушанские и хуфские тексты и словарь», а в 1960 г. — «Бартангские тексты и словарь». В.С. Соколовой была уточнена также классификация шугнано-рушанской группы памирских языков⁷. Недавно опубликован ее очерк «Шугнано-рушанская языковая группа», подготовленный для коллективного труда

5. G. Morgenstierne, *Notes on Shughni*, — «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd 1, Oslo, 1928; *The Demonstrative Pronouns in Shighni*, — NTS, Bd 13, Oslo, 1942.

6. В.С. Соколова, *Очерки по фонетике иранских языков*, вып. II, М.-Л., 1953.

7. В.С. Соколова, *К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков*, — «Иранский сборник», М., 1963.

«Языки народов СССР»⁸. Этот очерк в значительной степени используется в настоящей работе. В 1967 году В.С. Соколовой была опубликована новая работа под названием «Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы».

Несколько рушанских текстов было опубликовано А.К. Писарчик в 1954 г.⁹.

Начиная с 1960 г. автором данного очерка публикуется ряд статей по сарыкольскому языку¹⁰. Более полное описание сарыкольского языка содержится в нашей монографии «Сарыкольский язык» (фонетика, грамматика, тексты с переводом), опубликованной в 1966 г.¹¹, подготовлен также «Сарыкольско-русский словарь» (с обратным русско-сарыкольским указателем).

В последние годы были защищены три кандидатские диссертации по различным языкам этой группы самими носителями этих языков: Р.Х. Додыхудоевым «Историческая фонетика шугнанского языка (консонантизм)»¹², Д. Карамшоевым

8. «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.

9. А.К. Писарчик, *Рушанские тексты*, Душанбе-Ленинград, 1954.

10. Т.Н. Пахалина, *Сарыкольский диалект и его отношение к другим диалектам шугнано-рушанской языковой группы*, — «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960; *Образцы сарыкольской народной поэзии (с переводом и грамматическим комментарием)*, — «Краткие сообщения Института народов Азии. Иранская филология», 67, М., 1963; *Colloquial texts on Sarikoli*, — «Acta Orientalia», 29, 1-2, 1965; *Особенности употребления препозитивных служебных элементов при определяемом имени в сарыкольском языке*, — «Acta Orientalia», 30, 1966.

11. Т.Н. Пахалина, *Сарыкольский язык*, М., 1966.

12. Основные положения диссертации Р.Х. Додыхудоева опубликованы в его работе «Материалы по исторической фонетике шугнанского языка» Душанбе, 1962.

«Баджувский диалект шугнанского языка»¹³, М. Файзовым «Язык рушанцев Советского Памира»¹⁴, Н. Карамхудоевым «Бартангский язык»¹⁵. В настоящее время Д. Карамшоевым составляется словарь шугнанского языка, М. Файзовым — рушанского, Н. Карамхудоевым — бартангского.

В 1964 г. Р.Х. Додыхудоев выступил на IV Всесоюзной конференции по иранской филологии в Ташкенте с докладом «Об отражении некоторых древнеиранских гласных в шугнанском языке» (тезисы). Вопросу диалектного членения шугнанского языка был посвящен доклад Д. Карамшоева, прочитанный им на V Межвузовской конференции по иранской филологии в Душанбе в 1966 г. (тезисы).

Настоящее описание шугнано-рушанской группы языков представляет собой краткую характеристику основных черт фонологической и морфологической системы группы в целом. Синтаксическая характеристика содержит минимум сведений, касающихся построения предложения. В работе приводятся также краткие сведения о лексике. Для большей наглядности и четкости изложения там, где имелась возможность, приводятся сравнительные таблицы.

ФОНЕТИКА

§ 2. Вокализм. Для всей группы, кроме сарыкольского языка, характерно противоположение долгих и кратких гласных. Приводим таблицу гласных фонем по диалектам и основные линии их соответствий.

13. Д. Карамшоев, *Баджувский диалект шугнанского языка*, Душанбе, 1963.

14. М. Файзов, *Язык рушанцев Советского Памира*, Душанбе, 1966.

15. Н. Карамхудоев, *Бартангский язык*, Душанбе, 1966.

Шугн.	Руш.-хуф.	Барт.-орош.
	o	ö
ī	ē-x	ē
ē	ī	ī
ē	ē	ē
ō	ō	ō
u	u	u
ū	ū	ū
ā	ā	ā
i	i	i
a	a	a
u	u	u

Примечание. Пунктирные линии означают соответствия только перед носовыми.

Как видно из таблицы, в шугнанском языке семи долгим гласным фонемам противопологаются три краткие, в рушанском — шести долгим гласным противопологаются четыре краткие, в хуфском — шести долгим противопологаются пять кратких, а в бартангско-орошорском шести долгим фонемам — три краткие гласные фонемы.

Долгие гласные отличаются качественной устойчивостью и напряженностью звучания во всех фонетических положениях.

Краткие *i*, *u* во всех диалектах характеризуются широким диапазоном по подъему: *i* варьируется в зависимости от фонетического положения от «*i*» до «*ɛ*», а *u* варьируется от «*u*» до «*ɔ*». Таким образом, краткие *i* и *u* в каждом из диалектов противопоставляются не одной какой-либо долгой фонеме каждая, а всем долгим фонемам своего ряда, приближаясь по качеству то к одной, то к другой из них. Краткое *a* противопоставляется долгову *ā*, мало отличаясь от него качественно, за исключением орошорского диалекта, где краткое *a* имеет более переднее образование. Рушанское краткое *o* более длительно, чем остальные краткие, и более устойчиво по качеству (основной вариант «*ɔ*»). Хуфские краткие *o* и *æ* дифтонгоидны: «*uo*» и «*iɛ*».

Примеры соответствий

Шугнан- ский	Рушанский	Хуфский	Бартангско- орошорский	Перевод
čt̪d	čod	čod	čōd	‘дом’
p̪t̪c	p̪c	p̪c	p̪c	‘липо’
p̪t̪nz	p̪t̪nz	p̪t̪nz	p̪t̪nz	‘пять’
čt̪d	čt̪g	čt̪g	čēg	‘делать’
m̪ēd̪	m̪t̪d̪	m̪t̪d̪	m̪t̪d̪	‘день’
čēmt	čēmt	čēmt	čēmt	‘хотеть’
v̪ēr̪z	v̪ēr̪z	v̪ēr̪z	v̪ēr̪z	‘кобылица’
t̪ēr	t̪ēr	t̪ēr	t̪ōr	‘черный’
virōd	virōd	virōd	virōd	‘брат’
p̪ōd̪	p̪t̪d̪	p̪t̪d̪	p̪ōd̪	‘пуля’
x̪t̪m	x̪ōm	x̪ōm	x̪ōm	‘сумерки’
r̪t̪z	r̪t̪z	r̪t̪z	r̪t̪zm	‘окно (в крыше)’

Гласные *ū*, *ā*, *a*, *u*, *i* нормально соответствуют друг другу по диалектам. Встречающиеся перебои не носят закономерного характера.

Что касается сарыкольского вокализма, то необходимо сказать следующее. В речи сарыкольцев, с которыми нам приходилось иметь дело (а они все в большей или меньшей степени владели также и уйгурским языком), утрачено противопо-

ложение гласных по долготе и краткости. В их речи представлен тип устойчивых (*e*, *o*, *u*, *a*) и неустойчивых (*i*, *y*) гласных¹⁹. Но, как сообщил нам один из информантов — выходец из одного наиболее отдаленного и труднодоступного высокогорного селения в Сарыколе-селения Тунга, в котором нам, к сожалению, не удалось побывать, — жители его родного селения говорят протяжно, так что можно полагать, что кое-где в речи сарыкольцев сохранилось еще бывшее противоположение гласных по долготе и краткости.

Состав сарыкольского вокализма следующий: *i*, *e* — гласные переднего ряда, *riʒ* ‘осень’, *reʒ* — основа настоящего времени к прошедшей *rext* ‘печь’, ‘варить’, *u*, *o* — гласные заднего ряда (*diɔd* ‘подобно’, *doɔd* ‘они’), *y*, *ə*, *a* — гласные смешанного ряда (*baʃt̪yʃ* ‘спрятался’, *baʃt̪əʃ* ‘свежесбитое масло’, *paʃt̪* ‘яма’). Имеются также две фонемы — дифтонги *eu* и *ew*, первый элемент которых представляет собой неогубленный гласный переднего ряда, среднего подъема (вне сочетания с *y* или *w* гласный *ɛ* не зафиксирован): *dɛʒr* ‘поздний’, *pɛʒr* ‘половина’, *dɛʒw* ‘живот’, *ʃɛwl* ‘ухо’¹⁶.

Сарыкольское *e* соответствует в основном ш. *ī*, р. *ē*, *o*, б. *ē*, *ō*, а *o* — в основном либо *ā* всех диалектов, либо ш. *ē*, рх. *ē*, б. *ō*, фонема *u* — в основном *ō* всех диалектов. Сарыкольское *y* соответствует в основном краткому *u* других диалектов, фонема *i* — фонеме *i*, а фонема *a* — фонеме *a* других диалектов. Дифтонги частью отражают древние дифтонги (*spɛʒud* ‘белый’, *ʃɛwl* ‘ухо’), частью являются результатом более поздних фонетических процессов (*čɛʒwɔg* < *kard* < *karta*), а частью отражают дифтонгические сочетания новых заимствований (*wɛʒurɪn* ‘разрушенный’, *dɛʒwlat* ‘государство’).

16. Гласный *ə* отмечен в очень небольшом количестве слов, поэтому охарактеризовать его с количественной стороны не представляется возможным.

§ 3. Консонантизм. Состав согласных фонем во всех диалектах одинаков. Характерными особенностями консонантизма всей группы являются: 1) наличие плоскошелевых ϑ и δ (английского типа), противопоставляющихся круглошелевым s и z ; 2) наличие заднеязычных шелевых χ и γ , противопоставляющихся веларным x и γ ; 3) наличие однофокусных (свистящих) аффрикат c и z , противопоставляющихся двухфокусным (шипящим) аффрикатам $\check{c}$ и $\check{z}$. В целом консонантизм может быть представлен следующей таблицей:

Таблица 1

				Губно- губные	Губно- зуб- ные	Перед- неязыч- ные	Средне- языч- ные	Задне- языч- ные	Уву- ляр- ные
Шумные	смычные	аф- фри- ка- ты	простые	p b		t d	k	g	q
			однфо- кусные			c ʒ			
			двухфо- кусные			č ʝ			
	шелевые	одно- фоку- сные	кругло- шелевые			s z	ʒ ʝ		
			плоско- шелевые		f v	ð ð			x ɣ
	Сонанты	двухфокусные			w		š ž	y	
носовые			m			n			
боковые						l			
дрожащие					r				

Различия в качественной характеристике наблюдаются по диалектам лишь для фонем k и g . В шугнянском они всегда тверды (заднеязычны). В остальных диалектах перед передними гласными и в исходе слова k и g сильно продвинуты вперед вплоть до среднеязычной артикуляции.

§ 4. Структура слога в диалектах — обычная для индо-европейских языков. Следует лишь отметить, что избегаются начальные слоги с двумя согласными. Такие слоги возможны, если вторым согласным является сонант: ш.рх.б. $v(i)g\ddot{a}d$, с. $v(y)rud$ 'брат'; ш. $z(i)na\check{y}$, рх. б.ор. $z(i)na\check{w}$, с. $z(y)nal$ 'невестка'.

Ударение, как норма, падает на последний слог слова.

МОРФОЛОГИЯ

§ 5. Имени существительному во всех диалектах, кроме сарыкольского, свойственны грамматические категории числа и рода. В сарыкольском утрачен грамматический род, но в отличие от других диалектов группы в сарыкольском имени различаются две падежные формы: прямая и косвенная.

Единственное число имени равно основе: ш.рх.б. yac , с. yos 'девушка, девочка', ш.рх.б.с. vaz 'коза', ш. $\check{x}it\ddot{e}rz$, рх.б. $\check{x}it\ddot{e}rz$, с. $\check{x}it\ddot{u}r\check{y}$ 'звезда'.

Показателем множественного числа имени во всех диалектах, кроме орошорского и сарыкольского, является суффиксальный элемент $-en$: ш.рх.б. $yac-en$ 'девушки, девочки', ш.рх.б. $vaz-en$ 'козы', $\check{x}it\ddot{e}/\ddot{e}rz-en$ 'звезды'. В некоторых именах наблюдается перегласовка основы: ш. $\check{c}\ddot{a}d$, рх. $\check{c}\ddot{o}d$, б. $\check{c}\ddot{o}d$ — ш.рх.б. $\check{c}\ddot{a}d-en$ 'дома'. Некоторые термины родства, а также некоторые имена, обозначающие людей, имеют особые показатели множественного числа: рх. $-erz$, $-orj$, б. $-a/\ddot{e}rz$, $-orj/\check{y}$, ш. $-y\ddot{u}n$, $-g\ddot{u}n$, рх.б. $-y\ddot{o}n$, $-g\ddot{o}n$. Примеры: рх. $pid\ddot{e}rz$ 'отцы', рх. $zinaw\ddot{o}rj$ 'невестки', б. $pid\ddot{a}rz$ 'отцы', б. $n\ddot{a}n\ddot{e}rz$ 'матери', б. $\check{y}anorj$ 'жены', б. $xay\ddot{o}n\ddot{o}rj$ 'свояченицы', ш. $ams\ddot{o}yag\ddot{u}n$, б. $ams\ddot{o}yag\ddot{o}n$ 'соседи', ш. $rafiq(y)\ddot{u}n$, рх., б. $rafiqy\ddot{o}n$ 'товариши', ш. $piti\check{s}y\ddot{u}n$, рх. $piti\check{s}y\ddot{o}n$, б. $pati\check{s}y\ddot{o}n$ 'племянники'.

В орошорском диалекте показателем множественного числа имени является суффикс $-if$: $y\ddot{a}c\ddot{i}f$ 'девушки', $\check{x}it\ddot{o}r\check{i}f$

‘звезды’. При терминах родства употребляются суффиксы: *-yōn*, *-gōn*, *-ē/āz*.

В сарыкольском имеются два показателя множественного числа: *-xəyl* — для прямой формы имени и *-ef* — для косвенной: *yōsxəyl-af yoi* ‘девушки пришли’; *wi būxəyl-af ziyaǰš* ‘его сады увяли’; *yū yōsəf-ir levd* ‘она сказала девушкам...’; *ra wi mešəf xās-i zixi* ‘в те мешки он набрал воды’.

Сарыкольский суффикс *-xəyl* соответствует шугнанскому суффиксу собирательной множественности *-xəl*, рушанскому *xīl*: *sawōrxəl* ‘всадники’, р. *xawīšxīl* ‘мальчики’.

Род имени существительного выражается по преимуществу синтаксически, т.е. соответствующей формой относящегося к имени: 1) глагола в одном из прошедших времен: р. *yā diraxi ziyaǰš* ‘то дерево высохло’ (*ziyaǰš* — перфект ж. р.); 2) указательного местоимения: р. *dum kitōb tū-ri dak!* ‘дай мне ту книгу!’ (*dum* — указат. мест. косв. ф. ж.р.); 3) прилагательного: р. *rāšī tāwīn* ‘красное яблоко’ (ж.р.), р. *rošt kurtā* ‘красная рубашка’ (м.р.), х. *yam kurtā lap kut* ‘эта рубашка слишком коротка’ (м.р.), р. *im gilīm kat* ‘этот (шерстяной) халат короток’ (ж.р.).

Вне фразы морфологическое различие рода наблюдается в основном у имен, различающихся по полу. Это выражается изменением гласного основы: ш. *nībōs* ‘внук’ — *nībōš* ‘внучка’, р. *šix* ‘петух’ — *šax* ‘курица’. Основная масса слов по роду не изменяется.

Женский род в именах, не связанных с различием пола, всегда указывает на единичность предмета: р. *yā diraxi ziyaǰš* ‘то дерево высохло’. Мужской род может указывать и на единичность предмета, и на общее понятие: р. *day tā cīl tū-ri dak!* ‘дай мне тот твой платок!’ (*day* — указат. мест. косв. ф. м.р.); *way bōy-a way diraxi yula sui* ‘деревья в этом саду выросли’ (*sui* — глагол прош.вр. м.р.).

Падежные отношения в диалектах группы выражаются предлогами и послелогоми. В сарыкольском, кроме того, во множественном числе различаются прямая и косвенная падежные формы имени. Прямая падежная форма употребляется в прямых позициях, косвенная — в косвенных: *yū yārsxəyl-af raxyst* ‘те лисы убежали’; *wod* — ты *vrūdxiyl* ‘они мои братья’; *a-wī virǰəf-am vəwg* ‘я привел тех лошадей’; *az yūbunəf-af parst...* ‘они спросили у пастухов...’.

§ 6. Основным способом образования имен существительных является суффиксация. В диалектах группы имеются следующие словообразовательные суффиксы:

1. *-ák*, *-ík* образуют имена с уменьшительно-ласкательным значением: ш.х. *virōdik*, с. *vyrudik*, р.б. *virōdak* ‘братец’. Эти же суффиксы могут образовывать и близкий к исходному слову лексический дериват: ш.х. *jinik*, б. *janik*, с. *jinik*, р. *janak* ‘женщина’ (ср. ш.рх.б. *jan*, с. *jin* ‘жена’).

2. ш.рх.с. *-í*, *-gí*, б. *-ī*, *-gī*, а также суффиксы рх. *-(g)ay* и ш. *-éz*, р. *-īz*, с. *-éyz* образуют отвлеченные имена существительные: ш.рх. *qarzi*, рх. *qāzay*, б. *qāzī*, с. *qarzi* ‘должное’, ‘причитающееся’ (ш. *qarz* ‘долг’), р. *duxtanáy* ‘вражда’, *kursáy* ‘глубина’, с. *destéyz* ‘дружба’, ш. *tērēz*, р. *tērīz*, с. нечто чернеющее, ‘чернота’.

3. ш. рх.б. *-ax* образует имена со значением состояния, действия: ш.рх.б. *šitōjah* ‘стужа’ (*šitō* ‘холодный’), рх.б. *zūgax* ‘насилие’ (*zūr* ‘сильный’), рх.б. *sāvzax* ‘распускание’, ‘прорастание зелени’ (*sāvz* ‘зеленый’).

4. ш.рх.б. *-gār*, *-gar* образует имя деятеля: ш.рх. *šerizgār*, б. *šarizgār* ‘пахарь’, рх.б. *yūwgār* ‘охотник’.

5. ш. *-ēj*, *-éz*, рх.б. *-īj*, *-īz*, с. *-éyj* образует имена, выражающие назначение: ш. *bīrēj*, рх.б.ор. *bērīj*, с. *baberyj* ‘постельные принадлежности’ (ш. *bīr*, рх.б.ор. *bēr*, с. *babēr* ‘постель’); ш. *piyōzēz*, рх. *piyōziz*, б. *piyōzīz* ‘участок для лука’ (*piyōz* ‘лук’). Этот же суффикс образует и такого типа слова, как: ш. *risēj*, рх.б. *risīj*, с. *rysuj* ‘пасынок’ (от ш.рх.б. *ris*,

с. *rys* 'сын'), ш. *nānēz*, б.ор. *nāniz*, рх. *mōdiz*, с. *mudzyj* 'мачеха' (ш.б.ор. *nān*, рх. *mōd*, с. *mud* 'мать'). В сочетании с географическими названиями этот суффикс указывает на происхождение: ш. *xarayēj* 'хорогец', 'житель Хорога', р.б. *basīdij* 'басидец', 'житель Басида', с. *tyngzyj* 'тунгец', 'житель Тунга'.

§ 7. Имя прилагательное как таковое, т.е. несубстантивированное, в отличие от существительного не имеет грамматической категории числа: ш. *bāšānd čīd*, с. *čarj čed* 'хороший дом' — ш. *bāšānd čadēn*, с. *čarj čédxəyl* 'хорошие дома'. Основная масса прилагательных не изменяется по родам: ш.рх. *safēd čux* 'белый петух' — *safēd čax* 'белая курица'. У части же имен прилагательных грамматический род выражается изменением корневой гласной: ш. *rūšt* 'красный' — *rōšt* 'красная', рх. *kut* 'короткий' — *kat* 'короткая', б. *čōw* 'пестрый' — *čaw* 'пестрая'.

Относительные имена прилагательные имеют свои суффиксы:

1. ш.рх.б. ор.с. *-in* (указывает на качество, свойство): ш.б. *δōrgin*, р. *δūrkīn*, с. *xyngin* 'деревянный' ш.ор.с. *s(i)pinin*, рх.б. *ānin* 'железный'.

2. ш.х.б.ор. *-inj*, *-nīnj*, р. *-inj*, *-nīnj*, рх. *-niij*, *-nīnīj*, с. *-énj*, *-nénj* (указывает на отношение ко времени, месту): х. *purīnīj*, р. *pur(n)inīj*, с. *nyrnenj* 'сегодняшний', б.ор. *zibōnīnj*, с. *zabūnenj* 'находящийся сзади', 'задний'.

От качественных прилагательных образуется сравнительная степень прибавлением к основе суффикса: ш.рх. *-dī*, б.ор. *-dōr*, с. *der*: ш.рх. *δardi*, б.ор. *δardōr*, с. *δarder* 'дальше', ш.рх. *xušrūydi*, б. *xušrūydōr*, с. *xušrūyder* 'красивее'.

В сарыкольском имеется, кроме того, суффикс для передачи наивысшей степени качества — *-ēw*, прибавляющийся к основе имени: *čarjēw* 'самый хороший', *zylēw* 'самый младший'.

§ 8. Числительные. Количественные числительные до десяти являются общепамирскими и различаются иногда только огласовкой:

Шугнанский	Рушано-хуфский	Бартангско-орошорский	Сарыкольский	Перевод
<i>yīw, yi</i>	<i>yīw, yi</i>	<i>yīw, yi</i>	<i>iw, i</i>	'один'
<i>du, diyūn</i>	<i>daw</i>	<i>daw</i>	<i>δēw δa</i>	'два'
<i>aray</i>	<i>aray</i>	<i>arāy</i>	<i>aroy</i>	'три'
<i>cavōr</i>	<i>cavūr</i>	<i>cavōr</i>	<i>cavur</i>	'четыре'
<i>pīnz</i>	<i>pīnz</i>	<i>pinz</i>	<i>pīnz</i>	'пять'
<i>xōj</i>	<i>xūw</i>	<i>xōw</i>	<i>xel</i>	'шесть'
<i>(w)ūvd</i>	<i>(w)ūvd</i>	<i>ūvd</i>	<i>ūvd</i>	'семь'
<i>waxt</i>	<i>waxt</i>	<i>waxt</i>	<i>woxt</i>	'восемь'
<i>nōw</i>	<i>nāw(p), nōw(x.)</i>	<i>nāw</i>	<i>naw</i>	'девять'
<i>δīs</i>	<i>δos</i>	<i>δus</i>	<i>δes</i>	'десять'

Числительные после десяти употребляются обычно таджикские (кроме сарыкольского). Остаточно сохраняется также собственно памирский счет: р. *δós-at yīw* 'одиннадцать', *δaw δos* 'двадцать', *δaw δós-at yīw* 'двадцать один'. В сарыкольском заимствованными являются названия десятков: до сорока включительно — таджикские, начиная с пятидесяти и до девяноста включительно — уйгурские, название сотни — общееиранское *sad*.

Порядковые числительные во всех диалектах, кроме сарыкольского, образуются суффиксом *-ūt*, в сарыкольском *-inčī*: р. *δawut* 'второй', *arayut* 'третий', *bistut* 'двадцатый', с. *δəwinčī* 'второй', *aroyinčī* 'третий', *wistinčī* 'двадцатый'. Следует, однако, заметить, что в сарыкольском чаще всего используются уйгурские порядковые числительные.

Разделительные числительные образуются суффиксом: ш.рх.ор.с. *-ī*, б. *ī*: ш.рх.ор. *pīnzi*, с. *pīnzi*, б. *pīnzi* 'по пяти'.

§ 9. Местоимения. Личные местоимения имеют два лица: 1-е и 2-е. Роль личных местоимений 3-го лица выполняют указательные местоимения. Личные местоимения имеют две падежные формы: прямую и косвенную. Во множественном числе эти формы не различаются.

Прямая форма местоимений употребляется в функции подлежащего и именного сказуемого: р. *tu sabō tēyi* 'ты завтра уезжаешь'; с. *tēw to rags, waz na lēvat* 'ты не спрашивай, я (все равно) не скажу'; р. *wāy-af sa talērt, āz-ut* 'тот, кого вы просили (прийти) — (это) я'.

Личные местоимения по диалектам

Таблица 2

Лицо	Форма	Ед. число						Мн. число		
		ш.	р.	х.	б.	ор.	с.	ш.рх.	б.ор.	с.
1-е	Прямая	<i>wuz</i>	<i>az</i>	<i>waz</i>	<i>āz</i>	<i>waz</i>	<i>waz</i>	<i>māš</i>	<i>māš</i>	<i>maš</i>
	Косвенная	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tu(n)</i>	<i>tu(n)</i>	<i>tu(n)</i>	<i>māš</i>	<i>māš</i>	<i>maš</i>
2-е	Прямая	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tū</i>	<i>tu</i>	<i>tēw</i>	<i>tama</i>	<i>tamāš</i>	<i>tamaš</i>
	Косвенная	<i>tu</i>	<i>tū</i>	<i>taw, tā</i>	<i>tā</i>	<i>tā</i>	<i>ta, tw</i>	<i>tama</i>	<i>tamāš</i>	<i>tamaš</i>

Косвенная форма употребляется в функции дополнения и определения: р. *tu virō tu rawst* 'мой брат спрашивает меня'; р. *tā-ri dākum* 'я дам тебе'; с. *rag ta a-mu buxt* 'он послал меня за тобой'. В рушанском, хуфском и бартангском диалектах местоимения в косвенной форме могут употребляться в роли подлежащего при переходном глаголе в прошедших временах: рх. *tu zūxt* (р. // *mū-m zūxt*), б. *tin-ut zōxt* 'я взял'.

Указательные местоимения делятся на три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний, средний и ближний. В каждом из рядов различаются единственное и множественное число, а также прямая и косвенная падежные формы. Местоимения в косвенной форме единственного числа изменяются по родам: мужскому и женскому. В сарыкольском родовые различия почти стерты: формы женского рода употребляются очень редко. В шугнанском диалекте

род различается помимо косвенной формы также в прямой форме единственного числа местоимения дальнего ряда (см. табл. 3).

Прямая форма указательных местоимений употребляется в функциях подлежащего и именного сказуемого (или при имени в функции подлежащего и именного сказуемого): ш. *yu sui* 'он (или тот) пошел'; ш. *yu yidā sui* 'тот парень пошел'; с. *čarjēw tyałm-uy* 'самый хороший учитель — он'. В случае приименного употребления указательное местоимение согласуется с последующим именем в роде и числе (за исключением сарыкольского, где категория рода отсутствует, а из чисел в этом случае употребляется, как правило, только единственное): ш. *yu yidā sui* 'тот парень пошел'; *yā yāc sat* 'та девушка пошла'; *wāō čōrikēn-ēn azam yat* 'те мужчины пришли оттуда'; с. *uy vūdxēyl-af yot* 'те братья пришли'.

Косвенная падежная форма указательных местоимений в субстантивном их употреблении используется в функциях дополнения (прямого и косвенного) и определения: р. *way qiw!*

'позови его!'; с. *žac wī-ri vor!* 'принеси ему воды!'; р. *uf virōd yal na yat* 'их брат все еще не пришел'.

В сарыкольском в отличие от других диалектов группы указательное субстантивное местоимение-определение при наличии препозитивного служебного элемента (предлога или показателя прямого дополнения) помещается перед предлогом: *wī ra čed yot* 'он пришел в его дом' (ср.: *pa wī čed yot* 'он пришел в тот дом').

В рушанском, хуфском и бартангском диалектах указательные местоимения в косвенной форме могут употребляться в роли подлежащего при переходных глаголах в прошедших временах: р. *way (w)ut zūxt* 'он взял ее'; б. *di-yi lap vūg* 'он много принес'.

Косвенная падежная форма указательных местоимений в адъективном их употреблении используется при имени в кос-

Указательные местоимения по диалектам

Диалект				Ед. число								Мн. число			
Форма		ш. балж.	Р.	х.	б.	ор.	с.	ш.	рх.	б.	ор.	с.			
Ближний ряд	прямая	уи (м.р.) уа (ж.р.)	уа	уаш	уа	уа	уи	уи	уад	уад	уад	уод			
	кос-вен-ная	ми ш. уат б. уит	уаш (u)um	уаш (w)um	уи um	уи wat	уи wem ¹⁷	уи wēv	(w)uf	уи	уаш	уеш			
Средний ряд	прямая	(y)id	(y)id	(y)id	yid	yid	yad								
	кос-вен-ная	ди ш. дам б. дим	дай dim	дай dam	ди dim	ди dam	ди dem ¹⁷	дэв	дуф	дис	даф	деф			
Дальний ряд	прямая	уат	(y)im	уат	yim	yim	yat	мэд	мэд	мэд	мэд	мод			
	кос-вен-ная	ми ш. тат б. тим	тау tim	тау tum	ми tim	ми tam	ми tem ¹⁷	мэв	муф	мис	маф	меф			

17 форма *wet, dem, tem* употребляются крайне редко.

венных позициях (в сарыкольском — при имени в косвенной форме), при этом местоимение согласуется с последующим именем в роде и числе (за исключением сарыкольского): ш. *as wi virōd rēxst* 'он спрашивает того брата'; р. *uf xi rīzanōrj-um pa Pōmīr yūd* 'я отвез тех своих дочерей на Памир'; с. *pa di byrj žuzd* 'он бежит в этот угол'; с. *az di merzēf saḡá náxten, tézan?* 'как мы пройдем сквозь /полчища/ этих муравьев?'.

При подчеркивании указательности к местоимениям прибавляется усилительная префиксальная частица: ш. р. *(y)ik-*, с. *k(y)-*: р. *ik-wād ōdatēn*, с. *ky-yū xālgxēyl* 'те самые люди'.

При ослабленном указательном значении эти местоимения используются в роли определенного артикля, указывая на род, число и синтаксическую позицию имени: р. *way um virō qīw!* 'позови /того/ ее брата!'; с. *yam ta razēn-ik yč gubīn nymuyd* '/эта/ твоя дочь кажется очень порочной'.

Из других местоимений падежные формы различаются:

1. У вопросительного местоимения: ш. рх. *čāu*, с. *čoy* 'кто' (прямая форма) — *či* (косвенная форма). В бартангском и орошорском диалектах имеется одна форма: *-čī* (б.), *či* (ор.). Примеры: р. *čāu yat?*, ор. *či yat?* 'кто пришел?'; р. *xi kōr-at čī-ri sipōrt?* 'кому ты поручил свою работу?'; с. *yad kalo čī-yap?* 'это чье стадо?'.

2. У возвратно-определяющего местоимения: ш. рх. б. ор. *xūbaḡ*, с. *xūbaḡ* 'сам' (прямая форма) — ш. рх. б. ор. *xi*, с. *xū* (косвенная форма): р. *xūbaḡ-at wint* 'ты сам увидел'; р. *xi kitābēn-i žūxt* 'он взял свои книги'; с. *yū pa xū yōdd* 'он приходит в себя'; с. *ter a-xū čəw* 'она рванулась вверх'.

Остальные местоимения имеют одну форму: ш. рх. ор. *čiz*, б. *čiz*, с. *səuz* 'что?', ш. *čidūm*, рх. б. ор. *čidōm*, б. с. *čidum* 'какой', 'который', ш. рх. б. ор. с. *ar* 'всякий', 'каждый', ш. рх. б. ор. *fuk*, с. *fuk* 'весь', 'все' и др.

§10. Глагол. Во всех диалектах группы различаются две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Исторически производной от осно-

вы прошедшего времени является краткая причастная форма, в настоящее время уже не воспринимаемая в диалектах как причастие и являющаяся по существу своего рода основой для образования ряда глагольных форм. Эту основу мы будем называть в дальнейшем перфектной. От этих трех основ образуются личные глагольные формы.

Общей закономерности в образовании основ настоящего времени нет. Внешним признаком основы прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени для большинства глаголов является конечный смычный *d* (обычно после гласного или звонкого согласного) или *t* (обычно после глухого согласного), реже — *g*. Признаком перфектной основы является конечная аффриката *ʃ* (после гласного или звонкого согласного) или *č* (после глухого согласного). Приводим примеры соотношения этих трех основ по диалектам.

Таблица 4

Основа наст.вр.	Основа прош.вр.	Перфектная основа	Значение
ш. <i>lŭv</i> р.б. <i>luv</i> с. <i>lev</i>	ш. <i>lŭvd</i> р.б. <i>luvd</i> с. <i>levd</i>	ш. <i>lŭvʃ</i> р.б. <i>luvʃ</i> с. <i>levʃ</i>	‘говорить’
ш.р.б. <i>nivīš</i> с. <i>naviš</i>	ш.р.б. <i>nivīšt</i> с. <i>navišť</i>	ш.р.б. <i>nivīšč</i> с. <i>navišč</i>	‘писать’
ш.р.б. <i>wāf</i> с. <i>wof</i>	ш. <i>wīft</i> р.б. <i>wēft</i> с. <i>wift</i>	ш. <i>wīfč</i> р.б. <i>wēfč</i> с. <i>wifč</i>	‘ткать’
ш. <i>tī</i> р.б. <i>te</i> с. <i>te(z)</i>	ш. <i>tūyd</i> р.б. <i>tūyd</i> с. <i>twyd</i>	ш. <i>tūyʃ</i> р.б. <i>tūyʃ</i> с. <i>twyʃ</i>	‘уходить’ ‘отправляться’

По способу образования основы прошедшего времени глаголы делятся на правильные и неправильные. Основа прошедшего времени правильных глаголов отличается от основы настоящего времени только дополнительным конечным смычным *d* или *t*: ш.х.б. *qīw* : *qīwd*, с. *qiw* : *qiwd*, р. *qīw* : *qīwt* ‘звать’; ш.р.б. *nivīš*, с. *naviš*: ш.р.б. *nivīšt*, с. *navišť* ‘писать’. Основа прошедшего времени неправильных глаголов отличается от основы настоящего времени либо (помимо исхода на *t* или *d*) еще и огласовкой, либо конечными согласными с возможным изменением огласовки: ш.р.б. *tāž*, с. *tož* : ш. *tīžd*, р.б. *tēžd*, с. *tīžd* ‘тянуть’; ш.р.б. *wōx*, с. *wux* : ш. *wēxt*, р.б. *wēxt*, с. *woxt* ‘падать’; ш.р. *yōs*, б. *ayōs*, с. *yus* : ш. *yōd*, р. *yūd*, б. *ayōd*, с. *yud* ‘уносить’; ш. *xiŋ*, р.б.с. *xiŋ* : ш.р.б. *xiud*, с. *xiud* ‘слышать’; ш.р.б. *xār*, с. *xor* : ш. *xūd*, р.б. *xūg*, с. *xug* ‘есть’.

Перфектная основа образуется от основы прошедшего времени обычно заменой исходных *t*, *d* или *g* соответствующей аффрикатой *ʃ* или *ʃ*: ш. *lŭvd*, р.б. *luvd*, с. *levd* — ш. *lŭvʃ*, р.б. *luvʃ*, с. *levʃ* ‘говорить’; ш. *wēxt*, р.б. *wēxt*, с. *woxt* — ш. *wēxč*, р.б. *wēxč*, с. *woxč* ‘падать’; ш. *δūyd*, б. *δūg*, с. *δwug* — ш. *δūyʃ*, б. *δūʃ*, с. *δwʃ(?)* ‘иметь’. Отклонения наблюдаются в шугнянском и сарыкольском, где в перфектной основе ряда неправильных глаголов исходный согласный основы прошедшего времени, сохраняясь, спонантизуется: ш. *ʃud*, с. *ʃud* — ш. *ʃudʃ*, с. *ʃudʃ* ‘гореть’, ш. *xūd*, с. *xug* — ш. *xūʃʃ*, с. *xuʃʃ* ‘есть’. В сарыкольском, кроме того, может изменяться огласовка в перфектной основе *xiud* — *xiēʃ* ‘слышать’, *reud* — *reēʃ* ‘оставаться’.

Во всех диалектах, кроме сарыкольского, основа прошедшего времени и перфектная основа многих неправильных глаголов (почти исключительно непереходных) изменяется по роду и числу различной огласовкой, а перфектная основа, кроме того, — заменой исходных шипящих аффрикат свистящими. У основы прошедшего времени форма женского рода и форма множественного числа совпадают: *sut/d* (м.р.) — *sat/d* (ж.р. и мн.ч.). В перфектной основе формы женского рода и множественного

венного числа обычно различаются, причем признаком женского рода помимо иной огласовки являются свистящие аффрикаты *c* и *ç*: рх. *suč/ʃ* (м.р.), *sač/ʃ* (мн.ч.) — ш.рх. *sic* (ж.р.) — ш. *sudʃ* (м.р.), *sadʃ* (мн.ч.).

Лицо и число в глагольной форме, образованной от основы настоящего времени, выражается личными окончаниями. В 3-м лице единственного числа у многих неправильных глаголов изменяется гласный основы.

Таблица 5

Личные окончания по диалектам

Лицо	Ед. число	Мн. число
1-е	ш.рх.б.ор - <i>ut</i> с. - <i>am</i>	ш. - <i>am</i> рх. - <i>am</i> б.ор.с. - <i>ap</i>
2-е	ш.рх.б. - <i>i</i> ор.с. —	ш. - <i>ēt</i> рх.б.ор. - <i>at/-af</i> с. - <i>it</i>
3-е	езде <i>t, d</i>	ш. - <i>ēn</i> рх.б.ор. - <i>an</i> с. - <i>in</i>

В глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени и перфектной, лицо и число выражаются особыми подвижными показателями (см. табл. 6).

Подвижные показатели лица и числа в отличие от личных окончаний могут присоединяться к любому (чаще, однако, к первому) члену предложения: р. *áz-ut ras řas sut* 'я ходил за водой'; с. *téw-at az koręudu syi?* 'откуда ты явился?'.

Отрицательные формы глагола образуются при помощи частиц *na* и ш.рх.б.ор. *mā*, с. *to*, в сарыкольском, кроме того, — *pay*. Частица *mā/o* в отличие от *na(y)* употребляется

при повелении (прямом и косвенном), пожелании, долженствовании, необходимости и т.п.: р. *tu taraw mā ya!* 'ты сюда не подходи!'; б. *yā lāh az xi at mā kiřt!* 'пусть она не освободится!'; р. *iā may garđā mā xūř* 'не съедал бы ты эту лепешку!'; с. *ты bargo to xird* 'как бы она не съела моего ягненка!'.
В сарыкольском в отличие от других диалектов частица *to* при выражении различных модальных оттенков (кроме прямого повеления) подвижна: *to lev!* 'не говори!'; *lev to!* 'не надо говорить!'; *to a-ty levd!* 'как бы он ни называл меня!'.
Сарыкольская частица *pay* в отличие от *na*, как правило, постпозитивна: *afsyřs řikat pay* 'к сожалению, не могу'.

Таблица 6

Подвижные показатели лица и числа по диалектам

Лицо	Ед. число	Мн. число
1-е	ш.рх.б.ор. - <i>ut</i> с. - <i>am</i>	ш. - <i>ām</i> рх. - <i>am</i> б.ор.с. - <i>ap</i>
2-е	езде - <i>at</i>	ш. - <i>ēt</i> рх.б.ор.с. - <i>af</i>
3-е	ш.рх.б.с. -(<i>i</i>)	ш. - <i>ēn</i> рх. - <i>an</i> б. - <i>an, -af</i> (только при переходных глаголах) ор.с. - <i>af</i>

По типу образования личные глагольные формы делятся на простые и сложные (или описательные). Простые глагольные формы образуются сочетанием основы либо с личными окончаниями (форма настоящего-будущего времени), либо с подвижными показателями лица и числа (форма прошедшего вре-

мени и перфекта). В рушанско-хуфском и бартангско-орошорском диалектах переходные глаголы во всех прошедших временах имеют и другой тип спряжения (см. дальше). При образовании формы преждепрошедшего времени, которая во всех диалектах, кроме бартангского и орошорского, является простой, перфектная основа осложняется суффиксом ш.х. *-at*, р.с. *-it*. В бартангском и орошорском форма преждепрошедшего времени образуется аналитически (см. сложные глагольные формы).

Таблица 7

Спряжение глагола ш. *lūv*, рх.б.ор. *luv*, с. *lev*:
ш. *lūvd*, рх.б.ор. *luid*, с. *levd* 'говорить'

Настояще-будущее время		Прошедшее время	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л. ш. <i>lūvum</i> рх.б.ор. <i>lūvum</i> с. <i>lévam</i>	ш. <i>lūvām</i> рх. <i>lūvam</i> б.ор. <i>lūvan</i> с. <i>lévan</i>	ш. <i>-um lūvd</i> рх.б.ор. <i>-um luid</i> с. <i>-am levd</i>	ш. <i>-ām lūvd</i> рх. <i>-am luid</i> б.ор. <i>-an luid</i> с. <i>-an levd</i>
2-е л. ш. <i>lūvi</i> рх.б. <i>lūvi</i> ор. <i>luv</i> с. <i>lev</i>	ш. <i>lūvēi</i> рх.б.ор. <i>lūvat</i> // <i>lūvaf</i> с. <i>lévit</i>	ш. <i>-at lūvd</i> рх.б.ор. <i>-at luid</i> с. <i>-at levd</i>	ш. <i>-ēt lūvd</i> рх.б.ор. <i>-af luid</i> с. <i>-af levd</i>
3-е л. ш. <i>lūvd</i> рх.б.ор. <i>luid</i> с. <i>levd</i>	ш. <i>lūvēn</i> рх.б.ор. <i>lūvan</i> с. <i>lévin</i>	ш. <i>-(i) lūvd</i> рх.б.ор. <i>-(i) luid</i> с. <i>-(i) levd</i>	ш. <i>-ēn lūvd</i> рх.б.ор. <i>-an luid</i> с. <i>-af levd</i>

Во всех прошедших временах многие неправильные глаголы различают род (исключение составляет сарыкольский): ш.рх. б.ор. *sut* (м.р.) — *sat* (ж.р.); ш. *sudj*, рх.б. *suj* (м.р.) — ш.рх.б. *sic* (ж.р.) — глагол 'становиться', 'делаться', 'идти'.

¹⁸ В бартангском при переходных глаголах и при наличии местоименного подлежащего в косвенной форме употребляется показатель *-af*.

Таблица 8

	Перфект		Преждепрошедшее время	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	ш. <i>-um lūv</i> рх.б.ор. <i>-um luv</i> с. <i>-am lev</i>	ш. <i>-ām lūv</i> рх. <i>-am luv</i> б.ор. <i>-an luv</i> с. <i>-an lev</i>	ш. <i>-um lūvjae</i> р. <i>-um luvjit</i> с. <i>-am levjit</i>	ш. <i>-ām lūvjae</i> р. <i>-am luvjit</i> с. <i>-an levjit</i>
2-е л.	ш. <i>-at lūv</i> рх.б.ор. <i>-at luv</i> с. <i>-at lev</i>	ш. <i>-ēt lūv</i> рх.б.ор. <i>-af luv</i> с. <i>-af lev</i>	ш. <i>-at lūvjae</i> р. <i>-at luvjit</i> с. <i>-at levjit</i>	ш. <i>-ēt lūvjae</i> р. <i>-af luvjit</i> с. <i>-af levjit</i>
3-е л.	ш. <i>-(i) lūv</i> рх.б.ор. <i>-(i) luv</i> с. <i>-(i) lev</i>	ш. <i>-ēn lūv</i> рх.б.ор. <i>-an luv</i> с. <i>-af lev</i>	ш. <i>-(i) lūvjae</i> р. <i>-(i) luvjit</i> с. <i>-(i) levjit</i>	ш. <i>-ēn lūvjae</i> р. <i>-an luvjit</i> с. <i>-af levjit</i>

Как уже отмечалось, в рушанском, хуфском и бартангском переходные глаголы в прошедших временах имеют и другой тип спряжения, наиболее характерный для них. При переходных глаголах местоименное подлежащее в этих диалектах может употребляться в косвенной падежной форме, причем в рушанском и хуфском в отличие от бартангского в этом случае (т.е. при наличии во фразе местоименного подлежащего в косвенной форме) глагол, как правило, не спрягается¹⁹, показатель лица и числа отсутствует, а в бартангском в этом случае показатель лица и числа наличествует, причем в 3-м лице множественного числа употребляется личный показатель переходного глагола *-af* (а не *-an*).

Рушано-хуфский

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>tu luid</i>	<i>māš luid</i>
2-е л.	<i>tā luid</i>	<i>tamā luid</i>
3-е л.	<i>way luid</i>	<i>uf luid</i>

Бартангский

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>mūn-um luid</i>	<i>māš-an luid</i>
2-е л.	<i>tā-(a)t luid</i>	<i>tamāš-af luid</i>
3-е л.	<i>wī-yu luid</i>	<i>uf-af luid</i>

¹⁹ Возможно также и спряжение его, но для 2-го лица ед.числа и 3-го лица мн.числа это почти не встречается.

Сложные глагольные формы образуются сочетанием перфектной основы (исторически причастие) со вспомогательным глаголом б. *vaw*, с. *vew* : б. *vid*, с. *vyd* 'быть' в личной форме. К ним относятся сарыкольские формы прошедшего предположительного времени и преждепрошедшего перфекта и бартагская форма преждепрошедшего времени. В глагольной форме прошедшего предположительного времени вспомогательный глагол употребляется в форме настоящего-будущего времени, в преждепрошедшем времени — в форме прошедшего времени, а в форме преждепрошедшего перфекта — в форме перфекта.

Прошедшее предположительное время
(сарыкольская форма)

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>levj v'ewat</i>	<i>levj v'ewap</i>
2-е л.	<i>levj v'ew</i>	<i>levj v'ewit</i>
3-е л.	<i>levj vid</i>	<i>levj v'ewin</i>

Преждепрошедший перфект
(сарыкольская форма)

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-am levj vedj</i>	<i>-an levj vedj</i>
2-е л.	<i>-at levj vedj</i>	<i>-af levj vedj</i>
3-е л.	<i>-(i) levj vedj</i>	<i>-af levj vedj</i>

Преждепрошедшее время (бартагская форма)

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>áz-um luvj vid</i>	<i>māš-an luvj vid</i>
2-е л.	<i>tū-t luvj vid</i>	<i>tamāš-af luvj vid</i>
3-е л.	<i>yā-(i) luvj vid</i>	<i>wāš-an luvj vid</i>

Местоименное подлежащее в этой бартагской форме, как и в других прошедших временах, при переходных глаголах может употребляться и в косвенной форме, при этом глагол спрягается так же, за исключением 3-го лица множественного числа, где употребляется личный показатель переходного глагола *-af*: *úf-af luvj vid*.

Что касается модально-временных отношений, то можно сказать следующее. Наиболее четким и последовательным для глагольной системы является противоположение форм во временном аспекте: настоящее-будущее время — прошедшее время — преждепрошедшее время; перфект — преждепрошедший перфект. О категории наклонения для современного состояния глагольной системы можно говорить лишь постольку, поскольку существует различие в употреблении частиц отрицания при глагольных формах (в положительных формах в этих случаях различие внешне ничем не поддерживается). Так, частица *na* (в сарыкольском еще и *pay*) указывает на изъявительный характер действия или состояния, а частица *mā/o* употребляется при выражении таких оттенков неизъявительности, как: повеление (прямое или косвенное), желание, долженствование, необходимость, предосторожность и т.п.: р.б. *na luvd* 'он не говорит', 'он не скажет' — *mā luvd* 'пусть он не говорит', 'чтобы он не сказал'; с. *na lev* 'ты не говоришь', 'ты не скажешь' — *mo lev!* 'не говори!', 'чтобы ты не сказал'.

В сарыкольском, кроме того, существует особая глагольная форма для выражения предположения (форма прошедшего предположительного времени): *uy xalg m'ej vid* 'тот человек, должно быть, умер'.

Из глагольных форм, выражающих некоторые оттенки неизъявительности, в свою очередь выделяется глагольная форма, выражающая прямое повеление. В шуганском, рушанском и частично бартагском диалектах ее признаком является отсутствие окончания во 2-м лице единственного числа: р.б. *ma luv!* 'не говори!' — *mā lúvi* 'чтобы ты не сказал!'. В сарыкольском (возможно также и в орошорском) на прямое повеление указывает место частицы отрицания (в положительной форме различие стирается): при прямом повелении частица *mo* всегда препозитивна и неотделима от глагола (*mo lev!* 'не говори!'), а при других модальных оттенках —

подвижна (*mo lev// lev mo* 'смотри/ не скажи'; *mo levd// levd mo* 'не сказал бы он').

Таким образом, если говорить о наклонении, то для всей глагольной системы в целом (с небольшими вариациями) можно было бы выделить: изъявительное наклонение, повелительное наклонение и наклонение, выражающее такие модальные оттенки, как желание, долженствование, необходимость, предположение и т.п., которое чисто условно можно было бы назвать сослагательным. В таком случае в систему сослагательного наклонения в шугнанском, рушанском и бартангском войдут следующие глагольные формы: 1) настояще-будущее время: р. *čas, day mi gardā mā xirt* 'смотри, чтобы он не съел мою лепешку'; 2) перфект: р. *tā may gardā mā xūj* 'не съедал бы ты эту лепешку'; 3) преждепрошедшее время (за исключением бартангского): р. *tā may gardā mā xūjit* 'не съедал бы ты тогда эту лепешку'. В сарыкольском в систему сослагательного наклонения войдут следующие формы: 1) настояще-будущее время: *my barqo mo bast!* 'не пропал бы мой ягненок!'; 2) прошедшее предположительное время: *uy iŋč vid* 'он, наверное, пришел'; 3) перфект: *my a-léq-af mo duj!* 'не отдавали бы вы мою одежду!'.

Категории вида в том смысле, как она понимается, например в русском языке, в диалектах нет. Такие видовые оттенки, как длительность, многократность, передаются факультивными частицами, а результативность, законченность действия — формой перфекта.

В рушанском и бартангском имеются пассивные формы, образующиеся сочетанием перфектной основы, осложненной суффиксом *-ák*, с вспомогательным глаголом р.б. *sāw: sut* 'становиться' в соответствующем времени: р. *yid čod wiroxč-ák sāwd* 'дом (по)строится', *yid čod wiroxč-ák sut* 'дом (по)строился', *yid čod wiroxč-ák suj* 'дом выстроен'.

Значение глагольных форм. Форма настояще-будущего времени выражает любое непрошедшее действие: *vāgit* в зависимости от контекста может означать 'приношу', 'принесу', 'принесу-ка', 'буду приносить', 'мне нужно принести' и др. Значение формы настояще-будущего времени может уточняться различными подвижными энклитическими частицами, а при отрицании — еще и отрицательной частицей.

Форма прошедшего времени выражает прошедшее действие (независимо от его длительности и кратности). Так, рушанское *az-um sut* может означать 'я пошел', 'я шел', 'я ходил'. Кроме того, форма прошедшего времени в условно-временных придаточных предложениях может выражать будущее совершенное действие: р. *žōm di sut, tar vaĵ mā naŋtēy!* 'как только стемнеет, так ты не выходи на улицу!'; с. *sa wāxt-ik my ražén ta barqo xŋg, waz k-a-dí xŋ ražén tŋ-ri dōyāt* 'если моя дочь съест твоего ягненка, я отдам тебе свою дочь'.

Форма перфекта употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, при передаче с чужих слов или при логическом заключении о действии. Сарыкольская форма ~~прежде~~прошедшего перфекта имеет те же значения, но для давно совершившегося действия. Примеры: б. *sā, žōz-um tā-r vūj* 'поди /посмотри/, я принес тебе дров'; р. *yid bēgāndí ar-čāy sa az mi ōxŋōgōn padad siŋoĵ* 'это, вероятно, кто-либо из моих друзей туда поднялся'; *xŋbaŋ-at wada čəjĵ vedĵ* 'я /ведь/ сама раньше пообещала'.

Форма преждепрошедшего времени выражает:

1) действие, совершившееся ранее какого-либо другого действия, или давнопрошедшее действие: с. *wi-yān wi putxŋ mŋjŋit* 'царь ее (т.е. страны) /давным-давно/ умер'; 2) прошедшее неосуществившееся действие: р. *qásti mŋšin mi oujit* 'чуть бы и меня машиной сбило'. В условном предложении эта глагольная форма выражает ирреальность условия (в сарыкольском при этом в главном и придаточном предложениях обязательна части-

на -ik): с. *tamáš-af-ik xw vľfat-af-ik sa đujit, tamaš đzwłát-ik mas wi qati tıuyit* 'если бы вы пожертвовали своей дружбой, /тогда/ и ваше богатство ушло бы вместе с ней'.

Сарыкольская форма прошедшего предположительного времени выражает предполагаемое действие в прошлом: *wod xalgxéyl tǝǝj vėwin* 'те люди, должно быть, умерли'.

Из неличных глагольных форм в диалектах имеются инфинитив и причастия. Во всех диалектах различаются краткая и полная формы инфинитива. Краткая форма инфинитива большинства глаголов совпадает с основой прошедшего времени: ш.рх.б.ор. *nivišt*, с. *navišt* — ш.рх.б.ор. *nivišt*, с. *navišt* 'писать', ш. *wift*, с. *wift*, р.б. *wēft* — ш. *wift*, с. *wift*, р.б. *wēft* 'ткать'. Для инфинитива некоторых неправильных глаголов характерно изменение корневого гласного: ш.рх.б.ор. *sut*, с. *syt* — ш.рх.б.ор. *sit/d*, с. *set* 'становиться', 'идти'. Признаком полной формы инфинитива является суффикс ш.рх.б.ор. -*ōw*, с. -*ėw*: ш.рх.б.ор. *nivištōw*, с. *navištew* 'писать'.

Инфинитив является одновременно и именем действия: х. *tō tōwn pēxtōw-ri yak tō-ta sāwd* 'до поспевания яблок пройдет месяц'; с. *šic nīwd-an fuido nist* 'теперь плакать бесполезно'; с. *a-di penj cevđ usun* 'собрать это зерно нетрудно'. В сарыкольском инфинитив (краткая форма) служит также для образования ряда аналитических конструкций.

Во всех диалектах, кроме сарыкольского, имеется еще одно отглагольное имя, близкое по употреблению к инфинитиву, которое образуется от основы настоящего времени прибавлением суффикса -*iz* с возможным изменением корневой гласной основы: р. *ǝayiz* (основа наст.вр. *ǝōy*) 'чтение', 'учение', ш. *ēǝiz* 'тесание'.

Из причастий во всех диалектах имеется причастие прошедшего времени (без залоговой дифференциации), образующееся от перфектной основы прибавлением суффикса ш. -*in*, рх.б.ор. -*in*, с. -*en*: ш. *niviščin*, рх.б.ор. *niviščin*, с. *naviščen* 'написанный', 'написавший', 'запись'.

Причастия, образующиеся от основы настоящего времени (в сарыкольском их нет), имеют в диалектах значение имени действующего лица (за исключением бартангско-орошорской формы на -*ǝj* (м.р.), -*ǝz* (ж.р.)). Они образуются суффиксами:

1. ш. -*iz*, рх. -*ūč/j* (м.р.), -*ēc/z* (ж.р.), б.ор. -*ǝč* (м.р.), -*ēc* (ж.р.): ш. *nivišiz*, рх. *nivišūč/j*, б. *nivišǝč* 'пишущий', 'писатель'. Это причастие широко употребляется во второй части композита: р. *bayraq-sēnūč/j* 'знаменосец', б. *garđa-pazǝč* 'хлебопек'.

2. рх. -*on* (м.р.), -*ān* (ж.р.), б. -*ōn* (м.р.), -*ān* (ж.р.): рх. *nāwon*, б.ор. *nawōn* 'плаксивый', 'плакса' (ж.р. *nawān*). В шугнанском соответствующей формы нет.

Бартангско-орошорская форма причастия с суффиксом -*ǝj* (м.р.), -*ǝz* (ж.р.) выражает намерение: *nivišǝj* 'собирающийся писать'. Подобная форма имеется и в рушанском, но образуется она аналогично сарыкольской (см. ниже).

В сарыкольском причастие настоящего времени (оно же имя действующего лица) и причастие, служащее для выражения намерения, образуются от краткой формы инфинитива. Признаком причастия настоящего времени является суффикс -(i) *čuz*: *wazonđičuz* 'знающий, знаток' (ср. ш. *wizenčōz*), *boxtičuz* (основа прош.вр. *buxti*) 'посылающий', 'отправитель'. Суффикс -*mey* образует причастие для выражения намерения: *navištmej* 'намеревающийся писать', *boxtmej* 'намеревающийся послать'. В рушанском подобная форма отмечена только для двух глаголов *tē(y)*: *tuyd* 'уходить' — *taymiz* 'собирающийся уходить' (с. *tidmej*) и *niv*: *nost* 'сидеть', 'сидиться' — *nēsmiz* 'собирающийся сесть' (с. *nalistmej*). Конечный согласный краткой формы инфинитива в рушанском при этом, как можно видеть из приведенных выше примеров, выпадает²⁰.

²⁰ Об этих формах нам любезно сообщил рушанец, канд. филол. наук М. Файзов.

§11. Собственно наречий, т.е. слов, которые выступали бы только в адвербиальной функции, в диалектах очень немного: ш.рх.б. *tām*, с. *tom* 'потом', ш.рх.б. *vō*, с. *wiz* 'опять', ш.рх.б. *yal*, с. *newz/z* 'все еще', ш.с. *šič* 'сейчас' и др. К этому следует добавить местоименные наречия, которые образуются сочетанием местоименно-наречной основы с предлогом или послелогом или с тем и другим одновременно. Местоименно-наречные основы, как и указательные местоимения, делятся на три ряда: ближний, средний и дальний.

Таблица 9

Ряд \ Диалект	Шугнанский	Рушано-хуфский	Бартангский	Сарыкольский
Дальний	-am, yam-	-am-	-um-	ym, um
Средний	-ēd, yed-	-ad, a(d)-	-ēd, ē-	-
Ближний	-ū(d), yūd-	-aw, ū(d)-	-ūd, ū-	ūd, od

В сарыкольском возможно употребление неосложненной основы: *ūd, od* 'здесь', 'сюда' (ср. ш. *tarūd*, рх. *taraw*, б.ор. *tarud*), *ym, um* 'там', 'туда' (ср. ш.рх. *taram*, б.ор. *tarum*). Употребляющиеся при этих местоименно-наречных основах предлоги или послелогом уточняют значение основы: ш. *padūd*, рх. *padaw*, б.ор. *padūd* 'здесь (вверху)', 'сюда (вверх)', ш. *arūd*, рх. *araw*, б.ор. *arūd* 'здесь (внизу)', 'сюда (вниз)', ш. *yūdandir* 'здесь (внутри)' и т.д.

В основном же в качестве наречий используются имена существительные (как с предлогом или послелогом, так и без них) и прилагательные. На использование того или иного имени в адвербиальной функции часто указывает во фразе частица *-ađ* (с. также *-at*): р. *dād-an ar arau qarōr-ađ niyuxi* 'они все трое тихо слушали'; с. *xy zināl-ir kūt-ađ xat navišt* 'он коротко написал в письме своей невестке'. Менее продуктивными являются

суффиксы наречий: ш.р. *-ast* (*ḡarast* быстро), ш. *-aḡōw*, р. *-aḡūw* (р. *siwōraḡūw* 'верхом') и др.

§12. Предлоги и послелогом. В языках шугнано-рушанской группы имеются следующие предлоги:

1. *pa* (ш.х. *pī*), *tar*, *ar*, выражая направление и местонахождение, противопоставляются по указанию верха (*pa*), низа (*ar*) и нейтрального уровня (*tar*): с. *pa darāxt-i padēvd* 'она забралась на дерево'; р. *dād-an tāyd tar xi čod* 'тогда они пошли к себе домой'; *wiz ar ḡas zibanum* 'я прыгну в воду'. Возможно также употребление этих предлогов безотносительно к положению в пространстве.

2. *az* (ш.х. *as*) выражает исход в широком смысле (отделение, происхождение, источник, причину, сравнение): р. *az dišat* 'с крыши', с. *dēs-at pinz az sulogī* 'с пятнадцатилетнего возраста', с. *az ḡiḡ* 'от страха', р. *az-um az way xayde* 'я старше его'. Кроме того, предлог *az* (ш.х. *as*) может указывать на прямой объект: р. *az way čod wūnum* 'я вижу дом'. В сарыкольском в этом случае употребляется префиксальный элемент *a-:* *a-wī čed wēynam* 'я вижу дом'.

3. *pas* (ш.х. *pis*) во всех диалектах, кроме сарыкольского, указывает на направление, цель: ш. *pis ḡīz sām* 'я пойду за дровами'. В сарыкольском *pas* указывает на направление вдоль чего-либо, непосредственно за чем-либо, на посредство (соответствует русским "благодаря", "через"): *pas daryū-af yerd* 'они побрели вдоль реки'; *i lagān nuš i pas kanayzāk wī-ri buxt* 'он послал ей через одну служанку целый поднос абрикосов'.

4. *par* в рушано-хуфском и бартангско-орошорском диалектах выражает орудийность: р. *par xi čost* 'своими руками'. В сарыкольском указывает на направление или нахождение «под», а также на цель: *par red* 'под ноги'; *par ta* 'за тобой' (при глаголах хождения).

5. ш.рх.б.ор. *tō*, с. *to* выражает предел (обычно с послелогом ш. *-čs*, рх.б.ор. *-ac*, с. *-ic*): ш. *as žul tō katā-yēs* 'от мала до велика'; с. *to xer nalīst-ič* 'до захода солнца'.

6. Сарыкольские предлоги *či* и *ta* в остальных диалектах превратились в словообразовательные префиксы (в язгулямском языке, однако, *ta* функционирует как предлог): ш. *či-rāli*, р. *či-rālaw* 'на боку', р. *či-rēs* 'ничком', ш. *mi-ŷūŷ*, рх. *ma-ŷo*, *ma-ŷū*, х. *ma-ŷūw* 'охапкой'. В сарыкольском предлог *či* имеет довольно широкий круг значений: направление или нахождение поверх чего-либо, прохождение сквозь, через что-либо, замену, непрерывность и др.: *nāŷtyg-i či šox* 'она забралась на ветку'; *či zabi daruzó* 'через задние ворота'; *a-raŷūr či tilu čou zozd?* 'кто сменяет угли на золото?'. Предлог *ta* указывает на: а) время: *a-di gar ŷid ta zamín* 'когда он услышал эти слова...'; б) направление или нахождение в ногах, в изголовье: *wi ta radéf yóti-at* 'я подошел к /месту/ у его ног'.

Предлоги *bar*, *dar*, *bī* (с. *be*), *ba*, *barōyi* (с. *baruyi*) не отличаются по употреблению от соответствующих таджикских.

Особенностью сарыкольских предлогов (за исключением предлогов, общих с таджикским языком) является их, как правило, контактное положение по отношению к имени, имеющему определение (за исключением определения, выраженного адъективным указательным местоимением или включающим в себя адъективное указательное местоимение): *lŷwr daruzó ra divér* 'к калитке больших ворот', *wi ra čed* 'в его дом(е)', *ar mi qydyŷ* 'в этом колодце', *ra di madón der* 'в промежуточное ущелье'.

Из послелогов следует указать прежде всего на следующие:

1. ш. *-andīr//andi*, рх. *andi*, б.ор. *-indēr*, с. *-inder*. В шугнанском, рушано-хуфском и бартангско-орошорском диалектах выражает нахождение внутри, в сарыкольском — нахождение при (ком-н.), у (кого-н.): ш. *čīd-andīr*, 'в доме', с. *yóc-inder* 'у девушки'.

2. ш. *-and*, с. *-an*, р.б.ор. *-ā*. В шугнанском выражает место по принадлежности и принадлежность, в остальных диалектах только принадлежность: ш. *čīd-and* 'в доме (при доме, дома)', с. *māš-an*, р.б.ор. *māš-ā* 'у нас', 'наше'. В хуфском зна-

чение принадлежности передается послелогом *-ōw*: *māš-ōw* 'у нас', 'наше'.

3. *-ard*, *-rad* (б.адж. *-ird*, *-rid*), р. *-ari*, *-ri*, х. *-ard*, *-ri//rd*, о.ор. *-ri*, с. *-ir* (после согласного), *-ri* (после гласного). В шугнанском выражает нахождение без указания на определенное место: *čīd-ard* 'где-то в доме'. В рушанско-хуфском то же значение имеют только *-ari* и *-ard*: р. *čod-ari*, х. *čod-ard* 'где-то в доме'; рх.; б.ор. с. *-ri* (а в хуфском также *-rd*) указывает на адресат действия, назначение, цель, а в бартангско-орошорском и сарыкольском еще и на направление в сторону чего-либо; рх.б.ор. *māš-ri*, с. *māš-ir* 'нам'; ш. *ŷīdōw-ri*, рх. *ŷīg(ōw)-ri*, б. *ŷīg(ōw)-ri*, ж. *ŷīg(ēw)-ir* 'для съедения'; б. *tar xi čōd-ri*, с. *ŷi čēd-ir* 'к своему дому'.

4. ш. *-ēs*, рх.б.ор. *-ac*, с. *-ic* выражает предел (обычно с предлогом *tō*, с. *to*), а в шугнанском, орошорском и сарыкольском иногда и способ совершения действия: ш. *to tiramo-ues* 'до осени', ор. *čēg-ac mā ŷa!* 'не бей ножом!'.

5. ш.ор.с. *qatī* (ш. также *qatīr*), рх. *qatay*, б. *qatī* выражает совместность и орудийность: р. *mi qatay*, с. *mi qatī* 'со мной'; ш. *ŷay qatīr*, с. *ŷay qatī* 'лопатой'.

6. ш.рх. *avēŷ*, б.ор. *avān*, с. *avon* выражает назначение, причину: ш.рх. *mi avēn*, б.ор. *miŷ avān*, с. *mi avon* 'ради меня', 'из-за меня'.

7. ш. *-ŷa*, рх. *-ŷo*, б. *-ŷō* указывает на нахождение при (ком-н.), у (кого-н.): р. *māš-ŷo ōsīl lap sut* 'урожай у нас большой получился'. В сарыкольском отсутствует.

8. Послелог *duđ* 'величиной с', *qyšo* 'возле (кого-б.)' имеются только в сарыкольском: *wi kol gymbāz duđ* 'голова у нее с гумбаз'; *mi qyšo pađt* 'он садится возле меня'.

Основные именные послелогии следующие: ш. *tir//ti*, рх. *-ti*, б. *tōr*, с. *ter* 'сверху', 'на' (также некоторые другие значения); ш. *ŷēz*, рх.б.ор. *ŷīz*, с. *ŷyuz* 'при', 'рядом', 'к'; ш. *bīr*, р. *bēr*, *abe*, с. *babēr* 'внизу', 'под'; ш.рх.б. *p(i)ŷō*, с. *pyrud* 'перед'; ш.рх. *zibō*, б. *zabō*, с. *zabi(ŷ)* 'позади' и др.

§13. Основные союзы следующие:

1. ш.рх.б. *-at, at*, с. *-at* (в некоторых диалектах также *atā, -atā*) — соединительный союз, указывающий на равноправность, а при действии — на одновременность: б. *yā pōnd tēzd-at sōz luvd* 'он идет по дороге и поет'; х. *pūl vā-yatā, dākum tā-rd gardā* 'принеси денег, и я дам тебе хлеба'. Может употребляться также при противопоставлении (в сарыкольском в этом значении не отмечен): х. *day xi vūrj vūg-atā, māš vūrjēn-i na vūg* 'своего коня он привел, а наших коней не привел'.

2. ш.рх.б. *xi* (в некоторых диалектах также *xo*), с. *xi* — соединительный союз, указывающий на последовательность действий: с. *tēw a-gyl zoz xbi nāxte!* 'ты возьми цветок и выйди!'.

3. ш.рх. *didi*, (y)*idi*, б.ор. *di*, вводит некоторые виды придаточных предложений, прямую речь, а также присоединяет предложения, в которых обычно указывается на неожиданность факта: ш. *wat rēxscēn didi: atū-ja mōl čī?* 'ее спрашивают: «Чей у тебя скот?»'; р. *uf čōxt didi, uf āwōl lap tang* 'они увидели, что их положение очень тяжелое'; р. *indayd-an ar way čod idi, yā nist* 'они вошли в дом, а его нет'. В сарыкольском этому союзу соответствует по значению союз *iko*: *čyxt iko, wōd-af xuvd, darēw-i tnyd* 'она посмотрела, что они спят, /и/ тотчас убежала'; *yot iko, wi jīn nist* 'он пришел, а его жены нет'.

4. *sa* — союз, вводящий определительные и условно-временные предложения: р. *ik-duf čizēn, mi tā-ri sa dā čūg...* 'те вещи, которые я тебе дал...'; с. *čer sa na ka, māš a-čēyz xōran?* 'если ты не будешь работать, /то/ что же мы будем есть?'.

Из других союзов в диалектах имеются: ш.рх.б. *yō*, с. *yu* 'или', ш.рх.б. *yō...yō*, с. *yu...yu* 'или...или', р. *āt...āt*, с. *ot...ot* 'и...и', с.р. *na...na* 'ни...ни', ш.р. *xōu...xōu*, с. *xūu...xūu* 'хоть...хоть', ш.рх.б.с. *agar* 'если'.

§14. Основные частицы в диалектах следующие:

1. ш.рх.б. (y)*k*, с. *ki/yi*, *my*, *myki/yi* — указательно-усилительные частицы: б. *indīd j k-ar wī awlī darūn* 'он вошел в

тот самый двор'; с. *mō-yap i safc ky-šud ar maōn wōxt* 'у меня одна бусинка упала прямо в колючку.'

2. ш.рх. *-ta*, б.ор. *-ti* — частица, подчеркивающая: а) настоящий момент совершения действия: р. *id-ta čiz luvd?* 'что он говорит?'; б) длительность, многократность, обычность совершения действия (в настоящем): б. *sud yi čōd di, yi kampir agum pamōx-ti kixt* 'пошел он в один дом, а там старуха молится'; в) уверенность, несомненность совершения действия в будущем: р. *yā-ta jīwt aram!* 'да ведь он сгорит там!'.

В сарыкольском частице *ta/i* соответствует по значению *-ik*: *koju-yik so?* 'ты куда идешь?'; *jarindō-yik od jar na kaht* 'пернатые здесь не летают'. Но частица *-ik* употребляется также при прошедшем времени в условных предложениях: *yū-yik k-a-wī armytēf paradid* 'он продавал те груши'; *yād-ik žit vedj-u...* 'если он оказался плохим...'; *tamāš-af-ik xy ылfāt-af-ik sa dujit...* 'если бы вы пожертвовали своей дружбой...'.

3. (y)*a* имеется только в сарыкольском. Выражает предположение, сомнение, желание, необходимость и т.п.: *pa bēyl-a xas old-o?* 'разве в лопате вода удержится?!'; *pas dī-ya vid!* 'он, наверное, где-нибудь здесь!'.

4. ш.рх.б. (y)*ō*, с. (y)*o* — вопросительная частица: б. *tū-at nūr yāt-ō?* 'ты сегодня пришел?'; р. *xafā-t sūt-o?* 'ты рассердился?'.

5. р.х. *ō*, б. *ā*, с. *a* 'да' (утвердительная частица): х. *ō*, *tāw-ta dādam* 'да, мы тебя отдадим.'

6. ш.с. *naу*, рх.б. *nā* 'нет' (отрицательная частица): с. *naу*, *waz na tēzat* 'нет, я не уеду.'

7. ш.рх.б. *a(y)*, *ē(y)*, *yō*, с. *ε(y)*, *a(y)* — звательная частица: с. *a уax, tū-ri nūr cēyz sū?* 'что с тобой сегодня случилось, сестра?'.

§15. Построение предложения. Обычное расположение главных членов предложения следующее: подлежащее —

прямое дополнение — сказуемое. Закрепление места подлежащего перед прямым дополнением имеет особое значение для рушанского и хуфского диалектов, где при переходных глаголах в прошедших временах не только не различается форма подлежащего и прямого дополнения, но и отсутствует согласование подлежащего со сказуемым в лице: р. *ti waу wint* 'я его видел' (при перестановке: *waу ti wint* 'он меня видел'). В остальных диалектах в аналогичных случаях подлежащее и прямое дополнение всегда выражены: ш. *wiz-ut wi wint*, б. *tip-ut az wī wint*, с. *wāz-at a-wī wand* 'я его видел.'

Место косвенного дополнения и обстоятельства во фразе относительно свободно. Можно лишь отметить, что обстоятельство времени обычно тяготеет к первому месту.

Определение всегда предшествует определяемому: ш. *bašānd čid*, рх. *bašānd čod*, б. *bašānd čōd*, с. *čarj čed* 'хороший дом', ш. *pid čīd*, с. *ato čed* 'дом отца'.

Для сарыкольского синтаксиса следует отметить одну важную особенность: препозитивный служебный элемент (предлог или показатель прямого дополнения), относящийся к имени, которое имеет при себе определение (за исключением определения, выраженного адъективным указательным местоимением или содержащем адъективное указательное местоимение), как правило, помещается между определением и определяемым: *čarj ra čed* 'в хороший дом', *čarj a-čed* 'хороший дом /вижу/'. §16. Лексика диалектов, в основе своей восточноиранская, имеет существенные отличия от лексики других памирских языков, в том числе и от ближайшего — язгулямского языка. Между собой диалекты, за исключением сарыкольского, лексически различаются мало. Специфика сарыкольской лексики состоит в том, что в ней встречаются слова, утраченные другими диалектами, а также масса заимствований из уйгурского языка. Приводим для сравнения небольшой перечень слов по всем памирским языкам.

§16. Лексика диалектов, в основе своей восточноиранская, имеет существенные отличия от лексики других памирских языков, в том числе и от ближайшего — язгулямского языка. Между собой диалекты, за исключением сарыкольского, лексически различаются мало. Специфика сарыкольской лексики состоит в том, что в ней встречаются слова, утраченные другими диалектами, а также масса заимствований из уйгурского языка. Приводим для сравнения небольшой перечень слов по всем памирским языкам.

Шугнан- ский	Рушано- хуфский	Бартанг- ский	Сарыколь- ский	Язгулям- ский	Вахан- ский	Ишкашим- ский	Перевод
<i>rizin</i>	<i>rizēn</i>	<i>razēn</i>	<i>razen</i>	<i>dozd</i>	<i>dājd</i>	<i>wūdūyd</i>	'дочь'
<i>jin</i>	<i>jan</i>	<i>jan</i>	<i>jin</i>	<i>xatēn</i>	<i>kənd</i>	<i>kuč</i>	'жена'
<i>čor</i>	<i>čur</i>	<i>čor</i>	<i>cur</i>	<i>wex</i>	<i>dāy</i>	<i>mol</i>	'муж'
<i>ida</i>	<i>ida</i>	<i>ida</i>	<i>ido</i>	<i>xadag</i>	<i>kaš</i>	<i>zoman</i>	'парень'
<i>xow</i>	<i>xow</i>	<i>xaw</i>	<i>xow</i>	<i>x'ān</i>	<i>jāw</i>	<i>ju</i>	'корова'
<i>wurj</i>	<i>wurj</i>	<i>wurj</i>	<i>xidp</i>	<i>warg</i>	<i>šapt</i>	<i>ur k</i>	'волк'
<i>pēc</i>	<i>pēc</i>	<i>pēc</i>	<i>pēc</i>	<i>ri</i>	<i>tu</i>	<i>pešer</i>	'липо'
<i>čid</i>	<i>čod</i>	<i>čod</i>	<i>čed</i>	<i>kād</i>	<i>xūn</i>	<i>xop</i>	'дом'
<i>xac</i>	<i>xac</i>	<i>xac</i>	<i>xac</i>	<i>xex</i>	<i>yupk</i>	<i>vek</i>	'вода'
<i>tēr</i>	<i>tēr</i>	<i>tōr</i>	<i>tor</i>	<i>wūjn</i>	<i>šūw</i>	<i>šu</i>	'черный'
<i>bašānd</i>	<i>bašānd</i>	<i>bašānd</i>	<i>čarj</i>	<i>xasa</i>	<i>baf</i>	<i>fri</i>	'хороший'
<i>araj</i>	<i>araj</i>	<i>araj</i>	<i>araj</i>	<i>cuy</i>	<i>trū(y)</i>	<i>trū(y)</i>	'три'
<i>lūv</i>	<i>lūv</i>	<i>lūv</i>	<i>lev</i>	<i>laf</i>	<i>xan</i>	<i>jaz</i>	'скажи'
<i>dad</i>	<i>dad</i>	<i>dad</i>	<i>do</i>	<i>jar</i>	<i>rand</i>	<i>dau</i>	'дай'

ТЕКСТ

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ

(Шугнанский вариант)

1. vuŋ na vuŋ, aray vrōdēn vaŋ. 2. ōiun vrōdēn as yi nān, yīw as yi nān. 3. wēn-and-ēn aray šīg vic. 4. yu zulik xund pōyd, wāŋ katanakēn xund na pōyēn. 5. yi mēv-at yu mis xund-i na pēyd. 6. wāŋ wi virōdarēn-ēn wi šīg zīd. 7. yu yat didé, wi šīg nist. 8. dāŋ-i ik-am-ard xīkūd, wi murdā-yi vūd. 9. zōxt-i xu, sut tar dāxt. 10. tamōšō-i čūd: yi xitur as pirō yat. 11. yu daŋ wām-i anjūvd-i xu, šīg wixín-at wi yāv-riš mōlt-i wam xitur yēv-ard. 12. čūxt-i: wam xitur sōyib yat. 13. yam šīgdōr daraw nīwd sut, lūd-i: «i virōd, tu xitur mu šīg-i xūd». 14. yu lūd-i: «i virōd, dis mā lūv, xitūr-ta as šīg na xīr». 15. yu lūd: «dam yēv čis, wixín-at yāv-rišín, wuz pōdχō xēz sām, dōŋ kinum». 16. yu xiturdōr lūd-i: «i virōd, dōŋ mā sa, mu xitur tu šīg qarz-andi». 17. yu yidā wam xitūr-i sawōr sut xu, tūyd. 18. wi virōdār-ēn čūxt didé, wēv virōd xitur sawōr-at yat. 19. lūd-ēn: «i badbāxt, dam xitur-at as kā vūd? yid čind?». 20. yu lūd-i: «mu šīg-ēt zīd, wuz-um wi murdā parōd, xitūr-um zōxt». 21. wāŋ-ēn mis xu šagēn zīd xu, wēv murdā-yēn yōd tar bōzōr. 22. mardum-ēn pēxst: «yid čiz?». 23. wāŋ-ēn lūd: «yam šīg murdā, xitūr-ti dāŋam». 24. mardum-ēn lūd: «i bēaqliyēn, šīg murdā-ta iyōr xitur-ti na zēzd». 25. wāŋ-ēn as xu kōr sat xarmin-dā xu tōyd-ēn. 26. xu šagēn-ēn zīd, ná-yēn xitur vūd, na šīg. 27. dāŋ-ēn tar yakdigar muslāt čūd didé: «yid badbāxt mās-i abrat

ŋōd, māš di nān zīnām». 28. dāŋ-ēn wi nān zīd. 29. yu sayīrā sut. 30. xu nān murdā-yi markāb-ti sawōr čūd, nīwd-i xu, yat yi jō-ndīr. 31. yi čōrik sēr zēzd. 32. yu nūst, markāb sat tar sēr. 33. yu čōrik markāb-i ŋōd qīmb. 34. yu murdā as wam tīr wēxt. 35. yam yidā yat, daraw nīwd sut, lūd-i: «mu nān-at zīd, wuz sām pōdχō xēz, dōŋ kinum». 36. yu lūd-i: «mū-nd-ēn ōu rizīn, yīw xuš ki xu, zēz xu qarz-andīr!». 37. yu yidā wi xadār rizīn-i zōxt xu tūyd. 38. yat tar xu čīd, wi virōdār-ēn lūd: «dām-at as kā vūd?». 39. yu lūd-i: «xu nān murdā-m ŋōd, mām-um zōxt». 40. wāŋ-ēn mis xu nān zīd, wam murdā-yēn yōd tar bōzōr. 41. mardum-ēn pēxst: «dam murdā ca kinēt?». 42. wāŋ-ēn lūd: «mam bašānd yāc-tīr parōdāŋam». 43. mardum-ēn wēv ŋōd izzō xu, wāŋ-ēn tōyd.

Рушанский вариант

1. viŋ na viŋ, aray virōd-an viŋ. 2. ōaw virōd az yi mōd-an vid, yi virōd az yi mōd-andi vid. 3. (w)ufā-n aray šog viŋ. 4. zulik xu šog pōyt, wāŋ katadiyēn xūyā na pōyan. 5. yi mīv way mis xūyā na pēyt. 6. way virōdār-an way šog zod. 7. yā yat - way šog nist. 8. way daŋ ik-am-ari way talēbt-i, way murdā-yi avūg. 9. zūxt-i xu sut tar dāxt. 10. tamōxō-i čūg: yi uxtur az pirō yat. 11. way daŋ um uxtur-i injīvd xu šog wixin, way yāv-at-riš mōlt-i uxtur yēm-ard. 12. čōxt-i didi: uxtūrā um xōvānd yat. 13. yim šogdōr daraw nīwd sut, lūvd-i: «ēy virōd, tā uxtur mu šog-i xūg». 14. way lūvd: «ēy virōd, das mā luv, uxtūr-ta az šog na xīr». 15. way lūvd-i:

«dum yēm čas, wixín-at yāv-at-riš, az pōdχō xīz sām, dōd kinum».

16. way uxturdōr lúvd-i: «ēy virōd, dōd mā sa, mu uxtur tā šog qār-z-andi». 17. ya yaḏā um uxtur-ti suwōr sut xu tuyd. 18. way virōdār čōxt-an didi, uf virōd uxtur-ti suwōr-at yat. 19. lúvd-an: «ēy badbaxt, dum uxtúr-at az kā avūg? yid či(y)ā?». 20. way lúvd-i: «mu šog-af zod, áz-um way murḏā parḏūd, uxtúr-um zūxt». 21. uf mis xu šagēn-an zod xo, uf murḏa-yan zūxt xo, yūd-an tar bōzōr.

22. mardum pawst: «dāḏ-an čiz?». 23. (w)uf luvd didi: «muf šagēn murḏā uxtúr-ti ḏāḏām». 24. mardum luvd didi: «ēy bialqēn, šog murḏā-ti uxtur iyōr na zēzd». 25. wāḏ-an sat az xu kor xar mindā xu tāyd-an. 26. xu šagēn-an zod, ná-yan uxtur avūg, ná-yan šagēn avūg. 27. dāḏ-an tar yakdigar muslaát čüg: «day badbaxt māš-i abrat ḏūd, māš day mōd zānam». 28. uf daḏ way mōd zod. 29. yā sayīrā sut. 30. xu mōd murḏā-i šār-ti siwōr ču, nāwt-at yat yi jōy-andi. 31. yi čurúk sēr zēzd. 32. yā nost, šār sat tar sēr. 33. yā čurúk um šār-i ḏūd qumb. 34. yā murḏā az um tōr-ti wēxt. 35. yim yaḏā yat, daraw nīwd sut, lúvd-i: «mu mōd-at zod, az sām tar pōdχō xīz, dōd kinum». 36. way lúvd-i: «múnā-yan ḏaw rizēn, yīw xu-r xuš kin, zēz xu qār-z-andi». 37. way yaḏā way xaydí rizēn zūxt-i xu tuyd. 38. yat tar xu čod, way virōdār-an luvd: «dum-at as kā avūg?». 39. way luvd: «xu mōd murḏā-yum ḏūd-at, múm-um zūxt». 40. uf mis xu mōd zod, um murḏa-yan yūd tar bōzōr. 41. mardúm-an pawst: «dum murḏā ca kinát?». 42. (w)uf luvd: «mum bašānd yāc-ti parḏāḏām». 43. mardúm-an ḏūd uf izō xo, wāḏ-an tāyd.

Бартагский вариант

1. vud na vud, aray virōdār-an vad. 2. ḏaw virōdār-an az yi nān, yīw az yi nān. 3. úfā aráy šog-an vad. 4. zulikík xúyā čōxt, uf kattadōr-af xúyā na čōxt. 5. yi mīv-at wī mis xúyā na čōxt. 6. wī virōdār-af wī šog zōd. 7. yā yat di, wī šog nist. 8. dāḏ-i ik-wī jōy-tōr talēpt, wī murḏā-yi vūg. 9. zōxt-i xu, sut tar dāxt. 10. tamōšō-yi čüg: yi axtur az pirō yat. 11. wī daḏ az um injūvd-i, šoga wī xún-at wī yāv-a-riš tar axtur yēm-i mōlt. 12. čōxt-i: um axtur sōyib yat. 13. yim šogdōr daraw nīwdōw sut, lúvd-i: «a virōd, tā axtúr-i mun šog xūg». 14. wī-yi luvd: «a-lō, das mā luv, axtur-ti az šog na xērd». 15. wī lúvd-i: «dim yēm čas, wī xún-at yāv-a-riš, āz tar pōdχō xīz sām, dōd kinum». 16. ya axturdōr lúvd-i: «tū tar pōtχō xīz mā sāw, mun axtur tā šog qār-z-indēn». 17. yā yaḏā um axtúr-tōr siwōr sut xu tūyd. 18. wī virōdār-af čōxt di, uf virōd axtúr-tōr siwōr-at yat. 19. lúvd-af: «a badbaxt, az dim axtúr-at az kā vūg? yid či(y)ā?». 20. wī lúvd-i mun šog-af zōd, áz-um wī murḏā parḏōd-at, axtúr-um zōxt. 21. úf-af mis xu šogēn zōd xu, uf murḏā-yaf ayōd tar bōzōr. 22. mardúm-af pawst: «yid čiz?». 23. úf-af luvd: «yim šog murḏā, axtúr-tōr ḏāḏām». 24. mardúm-af luvd: «a bialqēn, šog murḏā-tōr yiyōr axtur na ḏēn». 25. wāḏ-an az xu kor sat xar mindā xu tōyd-an. 26. úf-af xu šogēn zōd, na axtúr-af avūg-at na šog. 27. dāḏ-af tar yakdigar muslāt čüg: «dī badbaxt az māš abrat ḏōd, māš dī nān zānan». 28. dāḏ-af wī nān zōd. 29. yā sayīrā sut. 30. xu nān murḏā-yi markāb-tōr siwōr čüg, nīwd-i xu, yat yi

ŷō-indēr. 31. yi čurúk sör zōzd. 32. yā nōst, markāb sat tar sör. 33. wī čurúk az um markāb-i qumb dōd. 34. yim murdā az um markāb dām-tör wēxt. 35. yā yađā yat, daraw nīwd sut, lúvd-i: «mu nān-at zōd, āz tar pōdžō xīz sām, arz kinum». 36. wī lúvd-i: «múnā-an đaw razén, yīw xuš kin xu qārz-indēr zōz!». 37. wī yađā az um xaydār razén zōxt-i xu tūyd. 38. yat tar xu čōd, wī virōdār-af luvd: «az dīm-at az kā-vūg?». 39. wī lúvd-i: «xu nān murdā-um dōd-at, az mīm-um zōxt». 40. úf-af mis xu nān zōd, um murdā-af tar bōzōr ayōd. 41. mardúm-af pāwst: «az dim murdā ca-ráng kinát?». 42. úf-af luvd: «az mim bašānd ĵác-tör pardāđān». 43. mardúm-af az uf izō dōd xu, wāđ-an tōyd.

Сарыкольский вариант

1. veđŷ na veđŷ, aroy vrūd-af veđŷ. 2. đā vrūd-af i az ano, i vrud i az ano veđŷ. 3. wéf-an aroy wišk veđŷ. 4. žyl éw-yur xy-yan poyŷ, lèwrxéyl-af xy-yan na poyŷ. 5. i máv-at yad mas xy-yan na poyd. 6. wi vrūdxeýl-af wi a-wišk zed. 7. yu yot iko, wi wišk nist. 8. tóm-i xy wišk xýkéwg, wi myrđó-yi vbg. 9. zuht xy tyyd tar doxt. 10. tamušu čəwg iko, i xýtyr-ik az pyrúd yodd. 11. yu tom a-wí waodrd xy wišk a-waxín wi a-ĵáv riš wi tar ĵov rift. 12. čyxt iko, wi xýtyr suyib-ik yot. 13. yam wišk suyib darāw-aŷ čí niwd syt, levd: «əy vrud, ta xýtyr my a-wišk xyg». 14. yu levd: «əy vrud, dos mo lev: xýtyr a-wišk na xird». 15. yu levd: «di a-ĵov čos, waxín-at ĵáv-at riš, waz putxu xəyz som, dod lévam. 16. yu xýtyr suyib levd: «əy vrud, dod mo đo, my xýtyr ta wišk pa qarz».

17. yu yađo a-wí xýtyr sywur syt xy tyyd. 18. wi vrūdxeýl-af čyxt iko, wef vrud i xýtyr sywur séđŷ-at yodd-ik. 19. lévd-af: «zy bao-baxt, a-dí xýtyr-at as ko vbg? yad čí-yan?». 20. yu levd iko: «my a-wišk-af zed, wáz-am wi a-myrdó parađud, a-xýtyr-am zuht». 21. wōđ-af mas xy wiškéf zed xy, wef a-myrdó-yaf zuht, yúd-af tar buzur. 22. xalg az wef parst: «yad cəyz?». 23. wōđ-af levd: «yam wišk maslax, čí xýtyr ter dóyan». 24. xəlgxeýl-af levd: «əy bəəqlxeýl, wišk a-maslax ícoy čí xýtyr ter na zozd!». 25. wōđ-af xy az čer xarmindo syt xy tyyd-af. 26. xy a-wišk-af zed, ná-yaf xýtyr vbg, na wišk. 27. dōđ-af iwéw digor qati maslat čəwg iko: «yad bađbáxt par maš ibrat čəwg, maš di ano zónan!». 28. dōđ-af wi ano zed. 29. yu sayiro syt. 30. x-onó myrđó-yi i čí markāb-i viyayond, niwd xy, yót-i i ĵuy. 31. i čurík-ik sor zozd. 32. yu nalýst, markab syt tar sor. 33. yu čurik žer qati a-markāb đud. 34. yu myrđo az wém ter woxt. 35. yam yađo yot, daraw čí niwd syt, levd iko: «m-onó-yat zed, waz som putxu xəyz dod dóyan». 36. yu lévd-i: «my-yan đaw-aŷ razén yost, az wef iw xyš ka, zoz x-onó pa xy!» 37. yu yađo wi a-léwr razen zuht xy tyyd. 38. yot xy pa čed, wi vrūdxeýl-af levd: «a-dém-at as ko vbg?». 39. yu levd: «x-onó myrđó-yam đud, a-mém-am zuht». 40. wōđ-af mas x-onó zed xy, wem a-myrdó-yaf yud tar buzur. 41. xalg az wef parst: «a-dém myrđo caĵa káyit?». 42. wōđ-af levd: «a-mém šaní ĵoc ter párađoyan». 43. mardym a-wéf izu đud xy, wōđ-af tyyd.

ПЕРЕВОД

1. Было ли не было — было три брата. 2. Два брата от одной матери, один — от другой матери. 3. У них было три теленка. 4. Младший за своим следил, старшие за своим не следили. 5. Однажды он тоже за своим не доглядел. 6. Его братья убили его теленка. 7. Он пришел, а его теленка нет. 8. Тогда он поискал там, нашел его труп. 9. Взял и отправился в поле. 10. Посмотрел — спереди подошел верблюд. 11. Тогда он взял его и кровью теленка и его испражнениями вымазал верблюду пасть. 12. Посмотрел: подошел хозяин верблюда. 13. Владелец теленка тотчас принялся плакать, сказал: «Эй брат, твой верблюд съел моего теленка». 14. Тот сказал: «Не говори так, брат, верблюд телят не ест». 15. Тот сказал: «Посмотри на его пасть, она в крови и в испражнениях, я пойду к царю, пожалуюсь». 16. Владелец верблюда сказал: «Брат, не ходи жаловаться, мой верблюд — возмещение за твоего теленка». 17. Парень сел верхом на верблюда и отправился. 18. Его братья посмотрели: их брат верхом на верблюде приехал. 19. Они сказали: «Эй, негодяй, откуда ты достал этого верблюда? чей он?». 20. Тот сказал: «Вы моего теленка убили, я его труп продал, получил верблюда». 21. Те тоже своих телят убили, отвезли их трупы на базар. 22. Люди спросили: «Это что?» 23. Они сказали: «Это трупы телят, продаем за верблюда». 24. Люди сказали: «Эй, глупцы, труп теленка за верблюда никто не возьмет». 25. Они устыдились своего поступка и ушли. 26. Своих телят убили, ни верблюда не получили, ни теленка. 27. Тогда они посоветовались друг с другом: «Этот негодяй обманул нас, мы убьем его мать». 28. Тогда они убили его мать. 29. Он стал сиротой. 30. Труп своей матери он погрузил на осла, плача, пришел в одно место. 31. Один человек убирал умолот. 32. Он (парень) сел, /а/осел пошел в умолот. 33. Тот человек ударил осла камнем. 34. Труп свалился с него (с осла). 35. Парень подошел, начал плакать, сказал: «Ты убил мою мать, я пойду

к царю, пожалуюсь». 36. Тот сказал: «У меня две дочери, выбери одну и возьми себе в возмещение». 37. Парень взял старшую дочь и пошел. 38. Пришел домой, его братья сказали: «Откуда ты ее привел?». 39. Он сказал: «Я продал труп моей матери и ее получил». 40. Они тоже убили свою мать, отвезли ее труп на базар. 41. Люди спросили их: «Что вы с этим трупом делаете?». 42. Они сказали: «Продаем его за красивую девушку». 43. Люди их пристыдили, и они ушли.

ЯЗГУЛЯМСКИЙ ЯЗЫК

§1. На язгулямском языке говорит население долины р. Язгулем, правого притока Пянджа, а также группа переселенцев из этой долины, проживающая в Вахшской долине (в основном, в Куйбышевском районе). Общая численность говорящих около 2 тыс. человек.

Начало изучения язгулямского языка относится к 1908 г., когда М.С. Андреев составил список 180 язгулямских глаголов, опубликованный им, однако, лишь в 1930 г.¹ Несколько позже язгулямским языком занялись французский ученый Р. Готье и русский ученый иранист И.И. Зарубин. Р. Готье принадлежит первая характеристика язгулямского языка, преимущественно с историко-фонетической точки зрения, опубликованная им вместе со списком язгулямских слов (ок. 160)². В 1936 г. И.И. Зарубин издал два язгулямских текста, которым он предпослал новые сведения по фонетике и грамматике язгулямского языка³. Ему же принадлежит заслуга установления фонологического ряда огубленных согласных.

¹ М.С. Андреев, *Язгулямский язык. Таблица глаголов*, Л., 1930.

² R. Gauthiot, *Notes sur le yazgoulami*, - «Journal Asiatique», 1916, VII, 2.

³ J.J. Zarubin, *Two Yazghulami Texts*, - «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. VIII, pp. 2-3, 1963, London.

Существенный вклад в изучение язгулямского языка был внесен В.С. Соколовой. Ею впервые был установлен состав согласных. Использование метода инструментально-экспериментального исследования позволило В.С. Соколовой дать характеристику гласных фонем не только с точки зрения их качества, но также и с точки зрения их количественных взаимоотношений. В.С. Соколовой был пополнен также и текстовый материал. Результаты ее исследования опубликованы в «Очерках по фонетике иранских языков»⁴.

В 1966 г. опубликована работа Д.И. Эдельман «Язгулямский язык», представляющая детальное описание современного состояния язгулямского языка. К работе приложены также тексты с переводом⁵. При составлении настоящего очерка язгулямского языка были использованы в основном упомянутые работы В.С. Соколовой и Д.И. Эдельман.

ФОНЕТИКА

§2. Вокализм. В язгулямском языке восемь гласных фонем: *i, e, a, ā, ai, u, o, ɔ*. Основной тип противоположения язгулямских гласных — противоположение по качеству. Однако признак длительности тоже имеет фонологическое значение, что проявляется в наличии пары *a — ā* и редуцирующей гласной фонемы, которая противопоставляется остальным фонемам не только по качеству, но и по длительности. Остальные пять фонем *i, e, o, u, ai* в отношении длительности могут быть определены как нейтральные, поскольку

⁴ В.С. Соколова, *Очерки по фонетике иранских языков*, вып. II, М., 1953.

⁵ Д.И. Эдельман, *Язгулямский язык*, М., 1966.

они, хотя и отличаются длительностью как от *a*, так и в еще большей степени от *ā*, но все же не противопоставляются им по этому признаку.

a, *ā* — гласные смешанного ряда, нижнего подъема. Краткое *a* в некоторых фонетических положениях может несколько продвигаться вперед. Примеры: *ǰ'ān* 'корова' — *ǰ'an* 'кровь', *bād* 'потом' — *bad* 'иди', *aga* 'если' — *agā* 'бодрствующий'.

i, *e* — гласные переднего ряда, неогубленные, по подъему *i* — верхнего, *e* — среднего: *ǰiw* 'охота', *mid* 'день', *ǰew* 'бык', *reǰ* 'пуля'.

ū, *u* — огубленные гласные заднего ряда, по подъему *u* закрытый гласный, а *ū* можно охарактеризовать как открытое *u*: *ǰūs* 'десять' — *ǰus* 'шерсть', *būg* 'грудь' — *bug* 'мел'.

o — огубленный гласный заднего ряда, среднего подъема: *ros* 'сын', *k'od* 'собака'.

ə — гласный смешанного ряда, неогубленный, по подъему охватывающий гамму звучаний от открытого «э/ə» до закрытого «ь»: *gəl* 'горло', *gəxt* 'мясо', *vəred* 'брат'.

§ 3. Консонантизм. В язгулямском языке имеются все фонемы, наличествующие в шугнано-рушанской группе, и сверх того следующие фонемы, составляющие специфику язгулямского консонантизма: 1) огубленные *k'*, *g'*, *q'*, *x'*, *ǰ'*, *ǰ'*, противостоящие своим неогубленным парам *k*, *g*, *q*, *x*, *ǰ* и 2) среднеязычные смычные *k'* и *g'*, противопоставляющиеся заднеязычным смычным *k* и *g*. В целом консонантизм может быть представлен таблицей 1:

4. Большинство язгулямских слов является односложными или двусложными. Структура слога может быть различной — СГ, ГС, СГС, ГСС, СГСС и др.: *tī* 'твой', *if* 'они', *kūd* 'дом', *ǰoǰd* 'дочь'.

Таблица 1

			Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные
Шумные	смычные	простые	<i>p b</i>		<i>t d</i>	<i>k' g'</i>	<i>kg</i>	<i>q</i>
		огубленные					<i>k' g'</i>	<i>q'</i>
		однафокусные			<i>c ǰ</i>			
		двухфокусные			<i>č ǰ'</i>			
	щелевые	круглощелевые			<i>s z</i>		<i>ǰ' ǰ'</i>	
		плоскощелевые		<i>f v</i>	<i>ǰ' ǰ'</i>			<i>x ǰ'</i>
		двухфокусные			<i>ǰ' ǰ'</i>			
		огубленные					<i>ǰ'</i>	<i>ǰ' ǰ'</i>
Сонанты			<i>w</i>			<i>ɣ</i>		
	носовые		<i>m</i>			<i>n</i>		
	боковые				<i>l</i>			
	дрожание				<i>r</i>			

Ударение, как правило, падает на последний слог слова.

§ 5. Из фонетических явлений, наблюдающихся в речи, можно указать на следующие:

1. Чередование гласных, причем наиболее распространенным является чередование гласных *o*, *i*, *u*, *ū*, *a* с гласным *ə*: *ǰod* 'ушел' — *ǰəda* (перфект того же глагола), *vəg* 'принес' — *viga* (перфект того же глагола), *ǰūst* 'рука' — *ǰəstāǰ* 'руки', *wask* 'высокий' — *wəskay* 'высота'; также другие: *nap* 'мать' — *napeǰg* 'матери', *zeǰ* 'взял' — *zəǰa* (перфект того же глагола), *ros* 'сын' — *rasəp* 'сыновья', *kūd* 'дом' — *kəǰāǰ* 'дома' и др.

2. Чередование огубленного согласного с соответствующим ему неогубленным: *k'əpən* — *kupən* 'делаю', *q'əgbon* — *qirbon* — Курбан (имя собственное).

3. Стяжения и выпадение гласных: *polā-m kəg* (*polā-əm kəg*) 'я умолял', *na ǰu- m na ǰu- ət* 'не хочу', *pā < pəta* 'перед' и др.

4. Метатеза: *piyala* > *pilaya* 'пиала', *kəzlak* > *kəlzak* 'ножик', *tawalud* > *talawud* 'рождение'.

МОРФОЛОГИЯ

§ 6. Имени существительному свойственна категория числа. Форма множественного числа имени образуется прибавлением к основе одного из суффиксов: *-áŭ*, *-én* или *-éžg*, при этом возможно изменение гласного основы. Наиболее продуктивен суффикс *-áŭ*: *wazir* — *waziráŭ* 'визири', *wŭs* — *wasáŭ* 'телята', *doŭin* — *doŭenáŭ* 'лепешки'. Суффикс *-én* употребляется главным образом при именах, обозначающих людей: *ros* 'сын' — *rasén* 'сыновья', *pataš* 'двоюродный брат' — *patəšén* 'двоюродные братья'. Суффикс *-éžg* употребляется при небольшой группе имен: *nān* — *nanéžg* 'матери', *zatč* — *zatčéžg* 'поля', *čəŭag* — *čəŭagéžg* 'птички'.

Падежные отношения выражаются в основном посредством предлогов и послелогов.

Выступая в функции препозитивного определения, имя существительное обычно оформляется суффиксальным элементом *-i*: *déd-i kŭd* 'дом отца', *vərəd-i doŭd* 'дочь брата'.

Основные словообразовательные аффиксы существительных следующие:

1. *-áŭ*, *-ág*, *-iŭ* — суффиксы абстрактных имен существительных: *kəŭəŭaŭ* 'простор', *stəvdag* 'гуща', *wŭŭniŭ* 'чернота', *xŭŭiŭ* 'сладость'.

2. *-iŭ* — суффикс, указывающий на происхождение и предназначение: *wŭriŭ* 'ванец', *xəftaniŭ* 'материя, /предназначенная/ для шитья халата', *səriŭ* 'вещи, /предназначенные/ для свадьбы'. Этот же суффикс образует существительные с новым значением: *ŭarg* 'сестра' — *ŭərŭiŭ* 'подруга'.

3. *-ak* — уменьшительно-ласкательный суффикс (это же значение имеет иногда суффикс *-ŭ/ug/k*): *kŭdák* 'домик', *kəmpirŭg* 'старушка'. Суффикс *-ŭ/ug/k* образует также слова с производным значением: *wex* 'муж' — *wexŭg* 'мужчина'.

§ 7. Язгулямское прилагательное, как и в других памирских языках, вне предложения отличается от существительного в большинстве случаев лишь семантически (существительные обозначают предметы, явления) а прилагательные — признак, качество), но и то не всегда. Есть слова, которые совмещают в себе значение существительного и прилагательного (иногда еще и наречия), например: *biyan* 'вечер', 'вечерний', 'вечером', *šab* 'ночь', 'ночью' и др. Словообразовательных аффиксов, характеризующих только прилагательные, в язгулямском языке сравнительно немного:

1. *-ín*: *ŭaxin* 'гороховый', *tillogin* 'золотой';
2. *-án*: *čərvan* 'жирный', *ragan* 'жилистый';
3. *-wará*: *benwara* 'бородатый', *wəxwara* 'замужняя';
4. *bi/e-*: *biben* 'безбородый', *bezib* 'некрасивый';
5. *-(n)áng*: *baornáng* 'весенний'.

Прилагательное, как таковое, т.е. несубстантивированное, в отличие от существительного не оформляется суффиксом множественного числа и не употребляется с различными служебными элементами: *cəldŭr-i vred* 'младший брат', *cəldŭr-i vəradar* 'младшие братья'. Качественные прилагательные различают степени сравнения: *xəšri* 'красивый' — *xəšridŭr* 'красивее', *vəz* 'длинный' — *vəzdŭr* 'длиннее'.

Выступая в функции препозитивного определения, прилагательное обычно оформляется суффиксальным элементом *-i*: *rušt-i piyala* 'красная пиала', *xasá-(i) safč* 'хорошие бусы'. Возможно также и постпозитивное употребление прилагательного, при этом определяемое имя, как правило, снабжается связующим элементом *-i* (изафет): *ŭačág-i xəšri* 'красивая девушка', *ŭér-i diga* 'другая страна'.

§ 8. Собственно язгулямскими являются количественные числительные от одного до девяти и двадцать: *wŭ(g)⁶*,

⁶ Вариант *wŭ* употребляется адъективно.

ḡow, cūy, čer, penj, xu(w), uvd, uxt, nu(w), ḡus, ... wast. Для остальных единиц и десятков употребляются таджикские числительные: *yozda* (11), *ponzda* (15), *bist-a čor* (24), *čal* (40) и т.д. Однако в речи людей старшего поколения можно слышать собственно язгулямский счет: *ḡus-a penj* (15), *wást-a čer* (24) *ḡo-w wást-a ḡus-a penj* (55), *cūy wast* (60).

Порядковые числительные образуются прибавлением к количественному числительному суффикса *-ət*: *cūyət* 'третий', *uvdət* 'седьмой'.

Разделительные числительные образуются прибавлением к количественному числительному суффикса *-gén*: *wīgén* 'по одному', *sigén* 'по три', *panjgén* 'по пяти'. Разделительность может передаваться редупликацией основы: *wīg-wīg* 'по одному'.

§ 9. Личные местоимения в единственном числе имеют три падежные формы: прямую, объектную и посессивную, а во множественном числе — две: объектно-прямую и посессивную. Местоимения 3-го лица сохраняют различие по роду (мужской и женский), а деление их на два ряда (*way, im* — местоимения для близких объектов и *day, dim* — местоимения, употребляющиеся безотносительно) указывает на их связь с указательными местоимениями, в значении которых они иногда употребляются и сейчас (см. табл. 2).

Местоимения в прямой форме употребляются в функции подлежащего и именной части сказуемого: *az badin* 'я иду'; *if-an šod* 'они пошли'; *Mə lo Miršakár-i xatən — əz-ət* 'жена Мулы Миршакара — я'.

Местоимения в объектной форме употребляются в функции дополнения (прямого и косвенного), причем местоимение в функции прямого дополнения, как правило, осложняется префиксальной частицей *ž(ə)-, š(ə)-* (<др.-ир. *haša*): *ž-if nətəšt-ay* 'она вывела их'; *hex na-ž-im bəxtord* 'вода вылилась из нее'; *hex to-ra var!* 'принеси мне воды!'; *wáy-me wī ḡord vad* 'у него

была одна дочь'; *im qatay badin* 'я пойду с ней'; *ət dáy-ay čig?* 'что в нем (т.е. в сундуке)!'. Местоимения в объектной форме употребляются также в роли подлежащего при переходных глаголах в прошедших временах: *mīn wint* 'я увидел'; *tu xatən wasta* 'ты взял жену'. Возможно и атрибутивное их употребление.

Таблица 2

Личные местоимения

Число	Лицо	Формы		
		прямая	объектная	посессивная
Единственное	1-е	<i>az</i>	<i>mī(n)</i> ⁷	<i>nī</i>
	2-е	<i>tow</i>	<i>tu</i> ⁸	<i>tī</i>
	3-е	<i>u, āy</i>	<i>way, day</i> (м.р.) <i>im, dim</i> (ж.р.)	<i>way</i> (реже <i>wī, day</i> (м.р.) (<i>i/ə</i>) <i>mī, dimī</i> (ж.р.)
Множественное	1-е	<i>tox</i>		<i>toxi</i>
	2-е	<i>tətox</i>		<i>tətoxi</i>
	3-е	<i>if, dif</i>		(<i>i/ə</i>) <i>fi</i>

Местоимения в посессивной форме употребляются в функции определения: *tī axtor nī wūs xīg* 'твой верблюд съел моего теленка'; *əmi ded na jīw yāt* 'ее отец вернулся с охоты'; *way vared laft* 'его брат сказал'; *wī k'od-i wūp na wī yaχ zgar* 'какая-то черная собака выхватила /ее/ из его рта'; *wī mīd əfi cəldūr-i vred xī wūs na rayd* 'однажды их младший брат не доглядел за своим теленком'.

Из остальных местоимений падежные формы различаются только у возвратно-определятельного местоимения: *xīd* (прямая) и *xī* (косвенная). Прямая форма употребляется в функции

⁷ С послелогом *-ga* имеет вид *mo-*.

⁸ С послелогом *-ga* имеет вид *tī-*.

подлежащего и именной части сказуемого, косвенная — во всех остальных функциях: *xúđ-xo ki šod (y)i wí ĵe, ta xi ĵayán-ay xi šoyd k'eg* 'когда сам он отправлялся куда-нибудь, то вместо себя оставлял дочь'.

Указательные местоимения подразделяются на местоимения, употребляющиеся адъективно (местоимения-прилагательные), и местоимения, употребляющиеся субстантивно (местоимения-существительные). Каждый из этих типов представлен двумя рядами: местоимения, указывающие на дальний объект (*yu, yuk*), и местоимения, указывающие на ближний объект (*du, duk*). Местоимения-существительные *yuk, duk* могут принимать показатель множественного числа *-aŋ*, употребляться с различными служебными элементами: *kál-i yukáŋ na zəned* 'эти все немые'; *ž-duk na zaz!* 'этот не бери!'; *yúk-ra na rayd* 'этому не осталось'. Местоимения-прилагательные *yu, du*, помимо атрибутивной функции при ослабленном указательном значении, выполняют роль определенного артикля: *du ni bəčkén anəz ət xəd?* 'мои дети еще на берегу?'.

Из других местоимений можно указать следующие: *ki* 'кто?', *šig* 'что?', *kade/im* 'который', *ar* 'всякий', 'каждый', *ič* 'какой-нибудь' (при отрицании — 'никакой') и др.

§10. Глагол. В языке различаются две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая причастная форма на *-á(g)*, в настоящее время в языке почти не воспринимаемая как причастие и являющаяся по существу своего рода основой для образования формы перфекта (а также составной частью сложных глагольных форм). В дальнейшем мы будем называть эту основу перфектной. От этих трех основ образуются все личные глагольные формы.

Общей закономерности в образовании основ настоящего времени нет. Внешний признак основы прошедшего времени

по отношению к основе настоящего времени — конечный смычный *t*, или *d*, реже — *g*⁹: *laf: laft* 'говорить', *žan: žúđ* 'убивать', *k'ən: k'eg* 'делать'.

Перфектная основа образуется прибавлением к основе прошедшего времени суффикса *-á(g)*, при этом возможно изменение корневого гласного: *wint - winta* (от глагола *winaŋ* 'видеть'), *xúg - x'iga* (от глагола *xaraŋ* 'есть').

Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы настоящего времени, выражается личными окончаниями, в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени и перфектной, — подвижными показателями (см. табл. 3).

Отрицательная форма глагола образуется прибавлением частицы *na*: *na badin* 'не иду', 'не пойду', *na bad!* 'не ходи!'

Таблица 3

Личные окончания и подвижные показатели
лица и числа

Лицо	Личные окончания		Подвижные показатели лица и числа	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е	<i>-in</i>	<i>-ət</i>	<i>- ət</i>	<i>- an</i>
2-е	<i>-ay</i>	<i>-it</i>	<i>-at</i>	<i>-əf</i>
3-е	<i>-t/-d</i>	<i>-an</i>	<i>-(ay)</i>	<i>-an</i> (при непереходных глаголах), <i>-əf</i> (при переходных глаголах)

⁹ Исход на *g* наблюдается у глаголов, содержащих историческую группу *-rt-*.

áz-əm na šod 'я не ходил'; *áz-əm na šəda vad* 'я не ходил раньше'.

По способу образования личные глагольные формы делятся на простые и сложные (описательные). Простые глагольные формы образуются сочетанием основы либо с личными окончаниями (настояще-будущее время), либо с подвижными показателями лица и числа (прошедшее время, перфект).

Спряжение глагола laf: laft 'говорить' в настояще-будущем времени

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>lafín</i>	<i>lafəm</i>
2-е л. <i>lafáy</i>	<i>lafít</i>
3-е л. <i>left</i>	<i>lafán</i>

В повелительной форме окончание во 2-м лице единственного числа отсутствует: *laf!* 'скажи!'

Во всех прошедших временах различается спряжение переходных и непереходных глаголов. Если во фразе с переходным глаголом имеется местоименное подлежащее, то отличие в спряжении переходного глагола от непереходного состоит в том, что местоименное подлежащее употребляется в объектной форме, причем глагол обычно не спрягается, показатель лица и числа отсутствует: *mún wini* 'я увидел'. Интересно отметить, что местоименное прямое дополнение при этом употребляется также в объектной форме: *mún ž-im wini* 'я увидел ее'. При отсутствии местоименного подлежащего переходный глагол спрягается так же, как и непереходный, за исключением 3-го лица множественного числа, где различаются показатели лица и числа: *-an* — для непереходных глаголов, *-əf* — для переходных.

Спряжение переходного глагола laf: laft 'говорить' и непереходного глагола vad: sod 'идти' в прошедшем времени

Число	Лицо	Непереходный глагол	Переходный глагол	
			при местоименном подлежащем	без местоименного подлежащего
Единственное	1-е	<i>áz-əm šod</i>	<i>mún laft</i>	<i>-əm laft</i>
	2-е	<i>tów-at šod</i>	<i>tu laft</i>	<i>-at laft</i>
	3-е	<i>āy-(ay) šod</i>	<i>im, way laft</i>	<i>-(ay) laft</i>
Множественное	1-е	<i>móx-an šod</i>	<i>mox laft</i>	<i>-an laft</i>
	2-е	<i>tətox-əf šod</i>	<i>tətox laft</i>	<i>-əf laft</i>
	3-е	<i>if-an šod</i>	<i>if laft</i>	<i>-əf laft</i> (при непереходном глаголе <i>-an šod</i>)

Форма перфекта, как уже указывалось, образуется сочетанием перфектной основы (вторичная) с теми же показателями лица и числа, что и при прошедшем времени.

Спряжение глагола laf: laft в перфекте

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>mún lafta // -əm lafta</i>	<i>mox lafta // -an lafta</i>
2-е л.	<i>tu lafta // -at lafta</i>	<i>tətox lafta // -əf lafta</i>
3-е л.	<i>āy, im lafta // -(ay) lafta</i>	<i>if (dif) lafta // -əf lafta</i>

Сложные глагольные формы образуются сочетанием перфектной основы (исторически причастие) с вспомогательным глаголом в личной форме. Сюда относятся: 1) форма преждепрошедшего времени (с вспомогательным глаголом *v-*: *vad* 'быть' в форме прошедшего времени); 2) форма преждепрошедшего перфекта (с вспомогательным глаголом *v-*: *vad* в форме перфекта) и 3) глагольная форма, выражающая предположение, условное допущение, пожелание, возможность (с вспомогательным глаголом *t-*: *tad* 'становиться' в форме настоящего-будущего времени).

Спряжение глагола *bad* : *šod* 'идти' в преждепрошедшем времени и преждепрошедшем перфекте

Преждепрошедшее время

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	<i>áz-əm šəda vad</i>	<i>móx-an šəda vad</i>
2-е л.	<i>tów-at šəda vad</i>	<i>tətóx-əf šəda vad</i>
3-е л.	<i>áy-(ay) šəda vad</i>	<i>if-an šəda vad</i>

Преждепрошедший перфект

1-е л.	<i>áz-əm šəda vəda</i>	<i>móx-an šəda vəda</i>
2-е л.	<i>tów-at šəda vəda</i>	<i>tətóx-əf šəda vəda</i>
3-е л.	<i>áy-(ay) šəda vəda</i>	<i>if-an šəda vəda</i>

Что касается категории наклонения, то в язгулямском языке выделяются: изъявительное наклонение *badin* ('я иду', 'я пойду', 'пусть я пойду'), повелительное наклонение (*bad!* 'иди!') и наклонение, выражающее такие модальные оттенки, как предположение, условное допущение, которое можно было бы назвать сослагательным (*u šəda mit* 'он, наверное, ушел'). Категорий вида и залога в язгулямском языке нет.

Значение глагольных форм. Форма настояще-будущего времени выражает любое непрошедшее действие: *tətóx-ta wandá či kār k'ənīt?* 'что вы здесь делаете?'; *xi šoyd šadā ni róc-ra!* 'пусть он отдаст свою дочь за моего сына!'; *bu da az wáy-ra ruqsat šadīn* 'потом я его отпущу'. Значение этой глагольной формы может уточняться частицей *-d/ta*.

Форма прошедшего времени выражает прошедшее действие, независимо от его длительности и кратности: *áz-əm šod i pír-i xas-kaš-i kūd* 'я отправился в дом к старику-дровосеку'; *penj-šū mīd im qatay zindagonay keg* 'пять-шесть дней прожил он с ней'. В условно-временных придаточных предложениях может выражать будущее время: *móx-an ki šod, tu bad!* 'как только мы уедем, так ты поезжай!'. А в условном предложении с частицей

ho выражает ирреальность условия: *aga wū mást-əm ho wəxt vad, bú-əm ho manor šox* 'если бы у меня был месяц времени, тогда я бы больше выучил'.

Форма перфекта употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, а также при передаче с чужих слов или при логическом заключении о действии: *ni róc qatol mēda* 'мой сын стал взрослым'; *ana, u yoya yašag vəda!* 'вот она какая оказалась, эта девушка!'.
 Форма преждепрошедшего перфекта имеет значение результиативности, а также неочевидности и завершенности к какому-то моменту в прошлом: *if-an dīm-ra ičig na laštá vəda* 'они ей, оказывается, ничего не сказали'.

Форма преждепрошедшего времени выражает либо преждепрошедшее, либо давнопрошедшее действие: *móx-an wū jənda nistá-an vad, ki wū səwer yāt* 'мы расположились в одном месте, как подъехал один всадник'; *tów-at pəred na ita vad?* 'ты прежде не приезжала?'.

Форма типа *šəda mit* выражает такие модальные оттенки, как предположение, условное допущение, пожелание и т.п.: *u bu ki vəda mit?* 'кто бы это мог быть?'; *agar na səfta mit-əf!* 'если бы их (т.е. дрова) не разворовали!'; *agar xəb ti surat nyada mit, suratnyasek mo-ra ažam* 'если (окажется, что) твое фото хорошо получилось, /то/ пришли мне фотоаппарат!'

Из неличных глагольных форм в язгулямском языке имеются инфинитив и причастия. Инфинитив образуется от основы настоящего времени прибавлением суффикса *-aļ*: *lašaļ* 'говорить', *məgaļ* 'умирать'. Сочетая в себе именные и глагольные свойства инфинитив может выступать в предложении в любой функции: *móx-an təg na xəndáļ* 'мы умерли со смеху'; *šarif kasaļ badin* 'я схожу проведать Шарифа'; *anəxtág-əm ž-wa xəxəļ* 'я забыла, как его месить'.

Из причастий различаются причастия, образующиеся от основы настоящего времени, и причастия, образующиеся от

перфектной основы (вторичная). Наиболее употребительным является причастие, образующееся от перфектной основы суффиксом *-in*. Это — причастие прошедшего времени, не имеющее залоговой дифференциации и употребляющееся в различных функциях: *tád-i yagagín* 'молотый тут (ягоды)'; *yúk-i fəgəptagín zaz!* 'возьми этот, созревший!'; *way tūm migagín* 'его бабушка умерла'; *pəta dəvūr widdagín vad* '/тяпка/ была брошена у двери'.

От основы настоящего времени образуются три причастные формы с суффиксами: *-ék*, *-ón* и *-ág*. Наиболее употребительно причастие на *-ék*, совмещающее в себе значение имени действующего лица и причастия для выражения намерения: *xarék* 'едок', *paǰék* 'повар', *badék* 'намеревающийся ехать', *zayék* 'собирающийся приехать'. Причастие с суффиксом *-ón* имеет значение имени действующего лица: *wayon* 'плакса', *qatol-nyasón* 'зазнайка'. Причастие на *-ág* большинства глаголов имеет значение существительного: *nyaság* 'рукоятка'. Образованные же от глаголов, обозначающих состояние, причастия на *-ág* выражают намерение или желание: *pəxság-əm* 'я хочу спать'. Местоименное подлежащее в этих случаях употребляется в объектной форме, а показатель лица и числа отсутствует: *tūn pəxsag nast* (//*pəxság-əm nast*) 'я не хочу спать'.

От основы настоящего времени образуется и деепричастие суффиксом *-arm*: *yazárm* 'бегом', *wayárm* 'плача', *sado kəpárm* 'жужжа'.

§11. Собственно наречий, т.е. слов, выступающих только в адвербиальной функции, в язгулямском языке, как и других памирских языках, очень немного: *aǰ* 'сейчас', *bu* 'затем', *ve(z)* 'снова', *bas* 'достаточно', *anəz* 'все еще', *k'ore* 'где', 'куда', *kətm* 'когда' и некоторые другие. В качестве наречий обычно используются имена существительные и прилагательные: *saráy-yan šod* 'наутро они отправились'; *katír-ay nidańt* 'она усадила их в ряд'; *uask kayzá-ay k'eg* 'он привязал его высоко'.

§12. Основные предлоги следующие: *i*, *əm/n*, *dər(i)*//*dar*, *na*, *ta*, *p(ə)ša*, *p(ə)ta*.

1. *i* — указывает на направление «в», «к»: *ž-im i kūd ayed* 'ее отнесли в дом'; *móx-ta i žatāg badəm* 'мы пойдем в Джамак'.

2. *əm/n* — указывает на направление и нахождение «в», «на»: *awád-əf ž-im əm wū səndəq* 'они бросили ее в сундук'; *əm du šār počo miga* 'в той стране умер царь'; *tow əm yu qoqáyu níd!* 'ты посиди на сухом месте!'.

3. *dər(i)* — указывает на направление и нахождение «внутри», «среди»: *dəri xex zəbód-an* 'они прыгнули в воду'; *dər yərcəgád-a təžin* 'я поброжу в горах'.

4. *na* выражает исход в широком смысле (отделение, выделение, происхождение, источник, причину, сравнение): *na kūd* 'из дома'; *na x'ayék* 'от страха'; *u na way xidardūr* 'она лучше его'. Возможно употребление его при прямом объекте: *na xayén-əf səwer kya* 'они посадили невесту верхом'. Послелог *na* может употребляться в сочетании с элементом *ž/š(ə)* (<др.-ир. *haša*): *na-š tūr* 'сверху', *na-ž kūd* 'из дома'.

5. *ta* — предлог направления и нахождения «сверху», «поверх» (чего-либо): *káfš-ay ta kər-i kāl lāy k'eg* 'свои туфли она положила на камень'; *wū qor tawiz ta škād* 'мешок шелковицы на крыше'.

6. *p(ə)ta* (реже *ta*) — предлог направления к (чему-, кому-либо) и нахождения «перед», «возле», «около»: *áz-da pəta qozi badin* 'я пойду к судье'; *wū kampir pəta sawzi* 'одна старуха возле моркови /находилась/'.

7. *p(ə)ša* указывает на следование за чем- или кем-либо, а также на цель (при глаголах «идти», «посылать за»): *na zayit pša tūn!* 'не идите за мной!'; *pša xéx-an šod* 'они пошли за водой'.

8. *bi* — указывает на отсутствие чего- или кого-либо («без»): *be tú-da na badin* 'я без тебя не пойду'.

9. *to* указывает на предел (до): *to way zən ən zəməd čā mad* 'он до колен в землю ушел'.

Основные послелогические следующие:

1. *-ra(g)* указывает на адресат, а также на цель (для, ради): *jačá-g-ra-əf darów-a-dərmén kég* 'девушке дали снадобий и лекарств'; *ž-dáy-da číg-ra nəvəšay?* 'для чего ты это записываешь?'.
2. *-te* указывает на принадлежность (в широком смысле слова): *if-te-an cūy wūs vad* 'у них было три телят'; *əy čounək kí-te?* 'это чей чайник?'.
3. *-je* — послелог направления («к») и нахождения («у», «возле»): *xi kúd-je yāt* 'он приехал к себе домой'; *daraw šod xi déd-je* 'он тотчас отправился к своему отцу'; *imi yank kí-je?* 'у кого ее колыбель?'.
4. *-be* указывает на причину, цель (ради, из-за): *naxod ki kəmanək-be yəraway?* 'неужели ты из-за рогатки, плачешь?'; *xi déd-at nān-be itág* 'он приехал ради своих родителей'.
5. *tū* указывает на средство, способ совершения действия (в этом значении употребляется также послелог *š(ə)tū*), а также на замену: *ki-i tū-da žamay?* 'с кем ты перешлешь?'; *kəzlák-i tū-da jaray?* 'отдашь за ножик /птичку/?'.
6. *ama* и *qatay* указывают на совместность и орудийность, а послелог *ama*, кроме того, — на предел: *ž-dáy-da brazəm čóy-ama* 'мы пьем его с чаем'; *kāf šod-ata xi nəl-ama-y nəməšt du qəl ya* 'ворона поскакала, вынула своим клювом те куски'; *dúki kəp-ama cəit, bas!* 'сожните до того камня, и хватит!'; *mūm qatay šod* 'она пошла с бабушкой'.
7. *ənda* указывает на направление и нахождение, а также на промежуток во времени: *səndəq ənda dayd* 'она залезла в сундук'; *zawod ənda kār k'ənin* 'я буду работать на заводе'; *šow soat əndá-n yāt* 'мы за два часа дошли'.
Из остальных послелогов можно указать: *manek, sex(t), rang* 'подобно', *p(ə)red* 'перед', *pān* 'через', 'сквозь' и др.

§13. Основные союзы следующие:

1. *(a)ta, at* — соединительно-противительный. Соединяет именные однородные члены предложения и глаголы при одно-

временности действий (энклитичен), а также глаголы и предложения при последовательности действий (может допускать перед собой паузу). Примеры: *potxó-ta wazír jūw-an vad* 'царь и визирь были на охоте'; *yāt-ata lást-ay...* 'он пришел и сказал...'; *xéx-a yasin-at yāt-əm* 'я отнесу воду и приду'; *əncavín-ata badəm* 'я дошью, и мы пойдем'; *if xo kār kég-ata mūn xo əfi karád nəvəšt* 'они работали, а я их работу записывал'.

2. *ki* — подчинительный союз, употребляющийся в различных придаточных предложениях, а также вводящий прямую речь: *wint ki wū taw* 'он увидел, что (там) одна овца'; *šab ki mit, móx-ta ta vəx k'ənəm* 'когда вечер наступает, мы привязываем /собаку/ на веревку'; *tow ki na jaray, əz-a na virin* 'если ты не дашь, я /сам/ не найду'; *wū odat yast ki way čamáv nast* 'есть один человек, у которого нет глаз'; *əžanit wū varag ki zayd* 'пошлите /за ним/ коня, чтобы он приехал'; *last ki: «az badin»* 'он сказал: «Я пойду».

3. *čə* — подчинительный союз, вводящий придаточные определительные, реже — условно-временные предложения (употребляется обычно в сочетании с союзом *ki*): *ti ros, kúd-je-u čə, nək-u* '...твой сын, который дома, вот он...'; *ni təqəm-ay čə tanok, na bas-zayin-da* 'если у меня седло тонкое, я не могу /нести груз/'.

4. *to* 'до тех пор пока'; *to razmoná pər na mit, na tərəy-da* 'пока не наступит срок, ты не умрешь'.

5. *aga(r)* 'если': *aga lafay, dain-da* 'если будешь петь, побью'.

6. *yo* 'или': *Mardūn-u xūy yo wandá?* 'в Мотрауне лучше или здесь?'; *kadīm-at yu: ž-im yo ž-dim?* 'которая тебе нравится: та или эта?'.

§14. Основные частицы следующие:

-(t/d)a указывает на настоящий момент совершения действия, его длительность, а также подчеркивает несомненность, категоричность будущего действия: *k'oré-da baday?* 'ты куда идешь?'; *əy-da žə-mūn widd* 'она меня сбросит'.

хо указывает на длительность, многократность совершения действия, а также на желательность и на ирреальность условия (соответствует русской частице «бы»): *ar xob xo yāt-ata zēxt-a šod* 'каждую ночь он приходил, брал /еду/ и уходил'; *keg-at xo ž-way talek* 'ты развелась бы с ним'; *aga lāy xo na keg, ayéd-ay xo ž-way* 'если бы он не опустил /багор/, его унесло бы водой'.

nak- усиливает указание: *ti xatēn-əm nak-áz* 'твоя жена — вот я (и есть)'; *du taqay nak-dīmi əncəvdagīn* 'эта тибетейка ею вышита'.

ag — усилительная (соответствует русским частицам «же», «тоже»): *laf ag!* 'говори же!'; *áz-əm ag ja šod* 'я тоже пошла'.

ow — утвердительная («да»): *rəwés-əf soz yāt?* — *ow* 'в прошлом году вы хорошо доехали? — Да'.

na отрицательная («нет»): *nī yaḍag yāt yo na?* — *na* 'пришел мой мальчик или нет? — Нет'.

yo, o — вопросительные: *badəm-yo?* 'пойти нам?'; *badīn-o?* 'пойти мне?'; *jad-a yo lafay?* 'правду ли говоришь?'.

ku — побудительная: *ku kas, xalāq-əm waftā?* 'посмотри-ка, плохо я связала?'.

§15. Построение предложения. Обычное расположение основных членов предложения следующее: подлежащее — прямое дополнение — сказуемое: *az ž-im na winīn* 'я ее не увижу'; *mīn ž-im na wīnta* 'я ее не видел'; *mīn yawaz aḡard* 'я дал палку'.

Место косвенного дополнения и обстоятельства во фразе сравнительно свободно. Можно лишь отметить, что обстоятельство времени обычно помещается в начале предложения. Примеры: *du rust-i piyala aja dīm-ra!* 'дай ей красную пиалу!'; *xar mīn qatay!* 'кушай со мной!'; *sarāy-da i kūd baday?* 'ты завтра поедешь домой?'.

Определение может быть препозитивным и постпозитивным, чаще, однако, наблюдается препозиция определения. Пре-

позитивным может быть определение, выраженное любой частью речи, при этом определение, выраженное именем существительным, прилагательным или некоторыми из местоимений, оформляется суффиксальным элементом *-i*: *wéx-i kūd* 'дом мужа', *móxi kūd* 'наш дом', *wūn-i k'od* 'черная собака', *xī vared* 'свой брат', *či(g) kār* 'какое дело', *cūy wūs* 'три теленка' и др.

В качестве постпозитивного определения чаще всего выступают имена прилагательные (реже существительные), общие с таджикским языком, при этом определяемое имя принимает связующий элемент *-i* (изафет): *jačāg-i xəšgi* 'красивая девушка', *xér-i di ge* 'другая страна'.

§16. Лексика язгулямского языка имеет много общего с лексикой языков шугнано-рушанской группы: ш. *yidā* — язг. *yaḍag* 'парень', 'юноша', ш. *xas* — язг. *xex* 'вода', ш. *ḡēw* — язг. *ḡiw* 'охота', ш. *xūvd* — язг. *x'ovd* 'молоко', ш. *čīd* — язг. *kūd* 'дом', ш. *mēv* — язг. *mīv* 'день', ш. *rūšt* — язг. *rušt* 'красный', ш. *sitid* — язг. *stūvd* 'загустевший', ш. *xōfc-* — *rəxs-* — основа наст. вр. глагола 'спать', ш. *yōs-* : *yōd* — язг. *yas-* : *ayed* 'уносить', ш. *lūv-* : *lūvd* — язг. *laf-* : *laft* 'говорить' и др. Но встречаются также слова, которые различаются в этих язы-

ках: ш. *čōr* — язг. *wex* 'муж', ш. *nōš* — язг. *čiray* 'абрикос', ш. *tīr* — язг. *wūn* 'черный', ш. *baland* — язг. *wask* 'высокий', ш. *šād: šōd* — язг. *ḡar* : *aḡard* 'давать', ш. *bōz* : *bōxt* — язг. *žam* : *ažomt* 'посылать' и др.

ТЕКСТ

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ

(язгулямский вариант)

1. *vād-an yo na vād-an ki cūy vréd-an vad.* 2. *šow vared-an na wū nān, wūg na wū nān.* 3. *īf-me-an cūy wūs vad.* 4. *cəgāg-da xī wūs payd, qətəláv-ta xūd na payán.* 5. *wū mīv əfi cəldūri vred xī wūs*

na payd. 6. way vɛradār way wūs žūd. 7. u yāt ki: ni wūs na yast. 8. bāt-ra āy xi wūs xəkərd, xi wūs-i mərɔ́a-ay vəyūg. 9. zéxt-a šod i daxt. 10. tamoxó-ay kég ki: wū axtor šə-pred yāt. 11. yaɖag axtor niyūd, wūs-i xān-at əmi ʃov axtor-i yāx-ra mald. 12. kūxt-ay ki axtor-i soib yāt. 13. wūs-i soib (yaɖag) dər ʃərawaʃ dɛd, láft-ay ki: «o vred, ti axtor ni wūs xūg». 14. láft-ay ki: «o vred, dərəʃ na lāf, axtor-da na wūs na xərd». 15. láft-ay ki: «əmi yāx kəs ki xənən-u, əz-da badin pəta qozí-da arz kənin». 16. axtor-i soib laft ki: «arz na bad, na axtor ti wūs-i qərz-ay». 17. du yaɖag ma axtor səwer mād-a šod. 18. way vɛradār kūxt ki: əfi vɛrɛd-u ma axtor səwér-at yāt. 19. láft-əf ki: «e badbaxt, tu yi axtor naš kóre-at vəg? āy kí-me?» 20. way laft ki: «ni wūs-əf žūd, mūn əmi mərɔ́a vašt, axtor-əm zext». 21. íf-ja xi wasáv žadá-əf, əfi mərɔ́a-əf dəri bozor ayéd. 22. odamén-da písán ki: «āy-ay čig?». 23. if laft ki: «āy-ay ni wūsi mərɔ́a, wūsi mərɔ́a-da axtori-tū ɖaɖəm». 24. odamén laft ki: «e bəaq-láv, wūsi mərɔ́a-da axtori-tū ki nəyast? 25. íf-an na xi kār pəximen mād-at šód-an. 26. xi wūs-əf žūd, ná-əf axtor vəg-at na wūs. 27. bāt-ra-əf masliat kég ki: «day badbaxt žə mox ibrat dɛd (/bās yāt), móx-ta day nən žanəm». 28. bāt-ra-əf way nən žūd. 29. āy sayira mad. 30. way xi nāni mərɔ́a ma xūr səwer kég-at, ʃərawarm yāt wū ʃəndá. 31. wū wixúg-da ʃa na pigág kaxtá zazd. 32. u nəyúst, xūr šod dər(i) kaxtá. 33. kaxtáyí soib ʃār dɛd xūr. 34. əmi mərɔ́a na xūr wob dɛd. 35. du yaɖag yāt-at, pay ʃərawaʃ mad, láft-ay ki: «ni nən-at žūd, əz-da pəta qozí badin, ərz-a kənin». 36. láft-ay

ki: «mú-me dow ɖoyd, wūg xuš kən-at zāz əm xi qarə» 37-38. du yaɖag way kəlduri ɖoyd zéxt-at šod i kūd, way vɛradār laft ki: «naš-kóre-at vəg?». 39. láft-ay ki: xi nāni mərɔ́a-əm dɛd-at, yu ʃačág-əm nəyūd (/zext). 40. íf-ja xi nən žūd-at, ayéd-əf dəri bozor. 41. odamén ž-if pist ki: «yu mərɔ́a-da šətu kənít?» 42. if laft ki: «xasa ʃačági-tū-da ɖaɖəm». 43. odamén vez íf-ra izzo dɛd-at šód-an i kūd.

Перевод см. при вариантах шугнано-рушанской группы, стр. 56 наст. изд.